

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

UC-NRLF

ФВ 525 184

С. Ю. ВИТТЕ

===== и =====

ПАДЕНИЕ РУССКАГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕДИТА

137

Л. Г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
А. Д. АРАБИДЗЕ

===== 1907 =====

*S. Ju. Vitte i padenie
"russkago kredita"*
С. Ю. ВИТТЕ

===== и =====

**ПАДЕНИЕ РУССКАГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕДИТА**

187

Л. Г.

**С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
А. Л. АРАБИДЗЕ**

===== 1907 =====

DK 254
W5S15

Русскій кредитъ плохъ по слѣдующимъ причинамъ: 1) потому что втеченіе многихъ лѣтъ русское министерство финансовъ безпрерывно, не останавливаясь ни предъ какими униженіями, искало денегъ по всему свѣту, и это въ то время, когда страна въ этихъ деньгахъ не нуждалась; 2) потому что, вслѣдствіе неумѣлости финансовой администраціи, наша валютная система такъ построена и проведена, что не можетъ не внушать самыхъ серьезныхъ опасеній за прочность размѣна; 3) потому что нашъ Государственный Банкъ не способствовалъ развитію отечественной торговли, а являлся однимъ изъ самыхъ серьезныхъ тормазовъ къ нему, и въ тоже время, безъ всякой пользы для страны, безвозвратно поглотилъ огромныя казенныя суммы; 4) потому что наше желѣзнодорожное дѣло поставлено такъ, что на много лѣтъ обезпечена его громадная убыточность; 5) потому что промышленность раззорена постояннымъ вмѣшательствомъ въ ея дѣла финансовой администраціи; 6) потому что все дѣло русскаго кредита за границей отдано въ руки кучки дѣльцовъ, въ расчетъ которыхъ входитъ дер-

1*

жать русскій кредитъ въ черномъ тѣлѣ, такъ какъ только при такихъ условіяхъ они могутъ собирать съ Россіи постоянную и богатую жатву. Всѣ эти условія, безъ устраненія которыхъ невозможно измѣненіе положенія нашего кредита, создались главнымъ образомъ въ послѣднее передъ войной десятилѣтіе. Настоящая книга, составленная отчасти изъ русскаго (дополненнаго) перевода статей автора, уже напечатанныхъ за границей, представляетъ собою попытку выяснить указанныя обстоятельства, поскольку это возможно сдѣлать уже въ настоящій моментъ, когда многіе документы и матеріалы приходится все еще трактовать въ качествѣ секретныхъ актовъ.

Автору поневолѣ приходится здѣсь же опредѣлить свое отношеніе къ дѣятелю, имя котораго очень часто будетъ встрѣчаться на страницахъ его книги—къ С. Ю. Витте. Авторъ долго былъ не только сторонникомъ, а почти поклонникомъ С. Ю. Витте. Онъ былъ сторонникомъ главнаго дѣла его финансовой политики—золотой валюты, которая, казалось ему, рано или поздно должна привести нашъ кредитъ къ полной независимости отъ клики берлинскихъ и парижскихъ банкировъ. Онъ былъ сторонникомъ его желѣзнодорожной политики, которая должна была сдѣлать Русь проѣзжей, и послужить базисомъ къ пере-

стройкѣ голодной крестьянской Россіи въ страну интенсивной сельскохозяйственной промышленности, опирающейся на свою-же промышленность металлургическую и горнопромышленную. Онъ былъ сторонникомъ привлеченія въ Россію иностранныхъ капиталовъ и не вѣрилъ въ крики о «распродажѣ Россіи», потому что, думалось ему, труденъ первый шагъ въ дѣлѣ, и не пройдетъ 5—10 лѣтъ, какъ на каждое иностранное промышленное предпріятіе у насъ появятся два своихъ предпріятія, а тамъ мало-по-малу мы возьмемъ обратно въ свои руки и то, что намъ теперь приходится продавать иностранцамъ. Оправдывалъ онъ даже питейную реформу и созданіе винной монополіи: государству нужны средства на предстоящія ему необычайно-крупныя преобразованія, и потому онъ оставался «сторонникомъ quand même» бывшего министра финансовъ.

Мало-по-малу, однако, по мѣрѣ того, какъ авторъ получалъ возможность знакомиться съ дѣятельностью С. Ю. Витте болѣе детально, у него начали возникать сомнѣнія, и притомъ самага серьезнаго для сужденія о министрѣ финансовъ свойства, а именно ему все болѣе начало казаться, что техника операцій С. Ю. Витте была недостаточно совершенна и въ сущности вовсе не соответствовала тѣмъ колоссальнымъ послѣдствіямъ, ко-

торья должно было имѣть каждое изъ принимаемыхъ имъ важныхъ государственныхъ мѣропріятій. Автору все болѣе и болѣе стало казаться, что С. Ю. Витте вовсе не тотъ умудренный опытомъ государственный дѣятель, способный зоркимъ окомъ охватывать всю сложную совокупность финансово-экономическихъ явленій и умѣло направлять ее по своему усмотрѣнію ко благу родной страны—такимъ авторъ его долгое время считалъ, и за это предъ нимъ преклонялся. Ему стало теперь все болѣе казаться, что С. Ю. Витте—только мечтатель, въ силу очень сложнаго стеченія обстоятельствъ получившій въ свое распоряженіе колоссальныя средства для воплощенія своихъ фантазій въ жизнь, и принявшійся за дѣло со всѣми особенностями попадающаго въ такое исключительное положеніе мечтателя: широкіе планы и полное неумѣніе справиться съ деталями ихъ выполненія, вслѣдствіе чего часто результаты оказываются прямо противоположными ожиданіямъ; отсутствіе твердой и опредѣленной программы, и въ виду этого необходимость часто перескакивать изъ одной крайности въ другую; нежеланіе сознаться въ своихъ неудачахъ, и вызываемая этимъ необходимость тратить колоссальныя средства на скрываніе этихъ неудачъ; неспособность справиться съ технической стороной дѣла,

отдающая мечтателя со все́ми его претензіями на руководство дѣлами въ руки болѣе опытныхъ и умѣлыхъ дѣльцовъ, стригущихъ его себѣ на пользу и друзьямъ на удовольствіе; и, какъ результатъ, полное разстройство дѣлъ и необходимость для его замѣстителей начинать все сызнова и пытаться спасти то, что можно спасти. Будущій историкъ нашего времени выяснитъ, какъ на фонѣ общаго безлюдія послѣдняго двадцатилѣтія могла взойти и занять первое мѣсто интересная и характерная фигура С. Ю. Витте, какъ сдѣлала это исторія по отношенію къ другому великому финансисту—Джону Лоу, главное отличіе котораго отъ С. Ю. Витте заключалось, казалось автору, въ томъ, что Лоу пришлось оперировать въ менѣе богатой странѣ, и что крахъ его финансовыхъ начинаній насталъ еще при его жизни. Исторія рѣдко способна оцѣнить по заслугамъ финансиста, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи казну великаго государства и умершаго на чердакѣ: она любитъ въ такихъ случаяхъ повторять требованіе, чтобы врачъ самъ исцѣлился.....

Намѣченные выше вопросы вполне опредѣляютъ программу настоящей книги, хотя и не даютъ полнаго отвѣта на поставленный въ заглавіи книги вопросъ во все́мъ его объемѣ. Конечно, на состояніе нашего кре-

дита вліяетъ и непозволительная для такой бѣдной страны, какъ наша, расточительность въ государственныхъ расходахъ, и, еще болѣе, неупорядоченность всей государственной жизни. Но въ настоящей книгѣ авторъ хотѣлъ говорить только о тѣхъ недостаткахъ, въ исправленіе которыхъ въ ближайшее время онъ можетъ вѣрить, и не хотѣлъ мѣшкать «легкой фантазіи» съ серьезнымъ обсужденіемъ дѣйствительныхъ фактовъ,—фактовъ, достаточно важныхъ, чтобы, сами по себѣ, оправдать ихъ обсужденіе.

ГЛАВА I.

Какъ мы занимали деньги?

Высшей своей точки достигъ русскій кредитъ къ моменту выпуска $3\frac{1}{2}\%$ золотого займа 1894 г. При общемъ обилии денегъ на европейскихъ рынкахъ какъ на публику, такъ и на банкировъ не могло не дѣйствовать и то положеніе, въ которомъ тогда находились русскіе финансы. Огромные запасы золота, накопленные при И. А. Вышнеградскомъ, и имъ-же достигнутое весьма значительное превышеніе доходовъ надъ расходами по государственному бюджету, умѣлая внѣшняя политика, результатомъ которой при укрѣплѣніи франко-русскаго союза явилось и нѣкоторое сближеніе съ Германіей, прекращеніе спекуляціи съ русскимъ рублемъ и наконецъ созданная въ послѣдній передъ этимъ годъ система правильнаго «воздѣйствія» на прессу, — не могли не создать весьма благопріятнаго отношенія къ русскимъ бумагамъ на большихъ европейскихъ рынкахъ, и заемъ былъ реализованъ съ громаднымъ успѣхомъ.

Вскорѣ, однако, началось движеніе нашего кредита внизъ, и, знакомясь съ исторіей нашихъ финансовъ въ это знаменательное десятилѣтіе, мы съ изумленіемъ видимъ, какъ министерство не только не пыталось съ этимъ движеніемъ бороться, но, конечно безсознательно, въ силу одного невѣдѣнія, всячески ему способствовало, и наконецъ довело дѣло до того положенія, въ которомъ застала насъ японо-русская война.

Паденіе нашего кредита началось давно, и было вызвано сложнымъ комплексомъ обстоятельствъ, выясненію которыхъ посвящена вся эта книга. Во всякомъ случаѣ уже осенью 1898 г. (Дѣло кредит. канц. 1898 г. № 46) корреспондентъ Министерства Финансовъ банкирскій домъ Мендельсонъ и К^о въ Берлинѣ жаловался министерству на то, что размѣщеніе порученныхъ ему министерствомъ бумагъ идетъ весьма туго, и въ виду этого совѣтовалъ воздержаться отъ новыхъ кредитныхъ операцій.

Россія была вполне въ состояніи выждать улучшенія положенія вещей на денежномъ рынкѣ и нѣкотораго измѣненія отношеній къ русскимъ бумагамъ. Она располагала колоссальнымъ золотымъ фондомъ (около милліарда рублей), текущій счетъ Департамента Государственнаго Казначейства на 1 января 1899 г. равнялся 292,3 милл. р., государ-

ственные доходы, подъ вліяніемъ страшнаго нажатія податнаго винта, росли несравненно скорѣе расходовъ. Несмотря на это, министерство финансовъ не послушалось преподаваемаго ему изъ Берлина благого совѣта, и все-таки попыталось найти деньги на германскомъ рынкѣ. Такому крупному кліенту, какимъ была Россія въ 1898—9 г.г., когда онъ просить денегъ, прямо не отказываютъ, потому что въ высшемъ биржевомъ и банковомъ мірѣ умѣютъ входить въ положеніе людей и облекать даже отказъ въ такую форму, что его можно, при желаніи, принять за согласіе. Въ силу этого и нашему министерству были предложены *conditions de refus*: 94°/о за 4°/о заемъ въ то время какъ 4°/о рента котиновалась выше 100°/о (Дѣло кред. канц. 1899 г. № 22), да и на этихъ условіяхъ, судя по общему тону письма, министерство все-таки не могло быть вполне увѣрено, что ему деньги дадутъ. Волей-неволей пришлось отказаться, а деньги—не Россіи, а министерству финансовъ — были нужны, и жестоко нужны—на борьбу съ кризисомъ, на миллионныя ссуды, безвозвратныя и безнадежныя, промышленнымъ предпріятіямъ, на инфляціонистскую политику на окраинахъ и т. д. И министерство финансовъ пошло по тому пути, по которому всегда идутъ начинающіе зарываться спекулянты.

Въ медовый мѣсяцъ своей дѣятельности, пока существуетъ вѣра въ его платежеспособность, спекулянтъ кредитуетъ только у первоклассныхъ фирмъ, да и тамъ старается не исчерпывать своего кредита. Затѣмъ дѣла принимаютъ нѣсколько тревожный характеръ, первоклассныя фирмы начинаютъ задумываться и подъ благовидными предлогами сжимать кредиты, и бѣдному спекулянту, которому деньги всегда нужны, приходится искать новыхъ способовъ для ихъ нахожденія, и прежде всего, прибѣгать къ услугамъ посредниковъ-коммиссіонеровъ. Условія кредита пока мало измѣняются, но публика, съ которою ему приходится имѣть связи, становится уже сортомъ похуже—дѣло явно идетъ на уронъ.

На новые пути обратилось и министерство финансовъ въ 1899 г., поручивъ Мендельсону въ Берлинѣ (дѣло кредит. канц. 1899 г. № 53) позондировать почву въ Лондонѣ. Это порученіе было выполнено имъ «съ полнымъ успѣхомъ», и банкирскій домъ Генри Шрёдеръ и К^о въ Лондонѣ согласился взять, на довольно выгодныхъ для себя условіяхъ, русскій заемъ на сумму около 4.600.000 р. Въ этой исторіи каждая черта останавливаетъ на себѣ вниманіе, показывая поразительную дезорганизацію нашего финансоваго управленія того времени и полное непониманіе основныхъ задачъ охраны кре-

дитнаго престижа государства. Министерство финансовъ Россійской Имперіи живетъ какъ-бы въ какой-то Абиссиніи. У него есть, слава Богу, связи съ финансовыми кругами Берлина; говорятъ, что были въ то время у него, черезъ Ротштейна, знакомства и въ Парижѣ, но уже для того, чтобы переговорить о дѣлахъ въ Лондонѣ, официальныхъ путей не нашлось, и пришлось обращаться къ дружескимъ услугамъ того самаго Мендельсона, который совѣтовалъ воздержаться отъ какихъ бы то ни было кредитныхъ операцій. Нетрудно себѣ представить, каково могло быть послѣ этого уваженіе къ русскому кредиту, хотя бы у того же Мендельсона, когда ему прямо показали, что на него у насъ только и есть надежда и что деньги намъ нужны до зарѣзу.

Еще болѣе характерна сумма займа—4.600.000 р. Нашъ дѣйствительный расходный бюджетъ (не считая оборотныхъ суммъ) былъ въ это время около 1.200 милл. р. въ годъ, т. е. около 3,3 милл. въ день. Слѣдовательно, послѣ крупнаго униженія мы въ концѣ-концовъ получили изъ Лондона сумму, равную приблизительно расходамъ государства въ теченіе 35 часовъ! Иными словами, сводя дѣло къ обыкновенному человѣческому обиходу купца, мы прежде брали крупныя суммы на дѣло, а теперь низко поклонились

и «перехватили» деньжонокъ на обѣдъ и на прачку. Министерство финансовъ не понимало, повидимому, какъ роняютъ нашъ кредитъ такія операціи на новомъ рынкѣ, и притомъ рынкѣ, привыкшемъ оперировать особенно крупными суммами; наоборотъ, оно настолько гордилось своей побѣдой, что нашло возможность въ особомъ всеподданнѣйшемъ докладѣ (благоразумно неопубликованномъ—дѣло кред. канц. 1899 г. № 41) похвастаться «высотой русскаго кредита».

Дальше хуже—сперва солидныя кредитныя фирмы замѣняются коммиссіонерами вообще, затѣмъ начинаетъ портиться и составъ коммиссіонеровъ.

Переговоры съ англійскимъ рынкомъ велись хотя и не непосредственно, но все же черезъ крупный банкирскій домъ, издавна состоявшій въ дѣловыхъ сношеніяхъ съ нашимъ министерствомъ финансовъ. Въ роли коммиссіонера для переговоровъ съ американскими банкирами выступило русское отдѣленіе общества страхованія жизни «Нью-Йоркъ», учрежденіе само по себѣ вполнѣ почтенное, но ни по американскому, ни по русскому своему уставу до государственныхъ кредитныхъ операцій касательства не имѣющее (дѣло кредитной канц. 1899 г. № 26). Соотвѣтственно ухудшились и условія займа, причемъ въ основу переговоровъ американцы

положили требованіе — денегъ по займу не давать, а оставить ихъ у себя въ уплату за русскіе заказы (Дѣло кред. канц. отд. II. ст. I, № 412 за 1899 г.). Въ это же время министръ финансовъ представилъ на Высочайшее благоусмотрѣніе докладъ, въ которомъ находилъ возможнымъ предоставить 90 милл. р. на усиленіе русскаго флота. Министръ за этотъ докладъ получилъ Высочайшій рескриптъ, а заказы были отданы въ Америку, такъ что есть полное основаніе предполагать, что, если бы не соображенія «внутренней» петербургской политики, вполне можно было бы избѣжать одной изъ наименѣ славныхъ страницъ въ исторіи русскихъ финансовъ. Мы называемъ такъ эту сдѣлку потому, что давно уже великимъ державамъ не приходилось черезъ случайныхъ коммиссіонеровъ выпрашивать согласія промышленныхъ фирмъ принять заказы съ оплатой ихъ не наличными деньгами, а государственными бумагами; а вѣдь къ этому въ сущности и сводилась «блестящая» американская кредитная операція. Какъ такой способъ расплаты повліялъ на цѣну построенныхъ въ Америкѣ боевыхъ судовъ, могли бы кое-что рассказать наши морскіе спеціалисты.....

Такимъ образомъ въ то время, когда государству деньги нужны не были, въ заграничныхъ финансовыхъ кругахъ установился

взглядъ, что русская финансовая администрація только и дѣлаетъ, что охотится за чужими деньгами, причемъ не останавливается ни предъ незначительностью предлагаемой суммы, ни предъ тяжестью условій, на которыхъ деньги можно получить, ни предъ путями удовлетворенія своего «священнаго глада злата». И вотъ, какъ результатъ такого воззрѣнія, насъ берутъ подъ опеку — начинается новая грустная страница въ исторіи нашихъ финансовъ.

Въ началѣ 1901 г. (дѣло кред. канц. 1901 г. № 5) министерство финансовъ начало переговоры съ бр. Ротшильдами въ Парижѣ о выпускѣ консолидированнаго желѣзнодорожнаго займа, и фирма потребовала давно не примѣнявшагося къ первокласснымъ державамъ обязательства не выпускать никакихъ другихъ займовъ втеченіе почти цѣлаго года. Скрѣпя сердце, министерство пошло и на это, хотя въ то же время оно объяснило (см. всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ за 1902 г.), что въ сущности деньги ему совсѣмъ нужны не были. Получалось такимъ образомъ странное положеніе: или министерство говорило неправду въ своемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ, и деньги ему нужны были—но, если бы это было такъ, то пришлось бы допустить составленіе подложной росписи, т. е. высшее изъ государствен-

ныхъ преступленій. Факты говорили однако за то, что роспись составлена въ общемъ правильно, и утвержденіе министра финансовъ, что деньги ему не нужны, справедливо. Оставалось, слѣдовательно, только одно объясненіе, что министерство финансовъ занимаетъ деньги не потому, что они ему нужны, а потому, что ихъ даютъ—истинно лучшее основаніе для подъема государственнаго кредита за границей.

Какъ ни оскорбительно было требованіе бр. Ротшильдъ не выпускать никакихъ займовъ до 1 марта 1902 г., министерство финансовъ какъ бы задалось цѣлью доказать, что Ротшильды — люди умные и правильно поняли, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Какъ разъ 1 марта 1902 г. правительство объявило о выпускѣ новаго государственнаго займа для реализаціи китайской контрибуціи. Само собою напрашивалось поэтому предположеніе, что, если бы не предусмотрительно надѣтая Ротшильдомъ уздечка, новый заемъ появился бы далеко ранѣе—а вѣдь въ сущности Россія и теперь не настолько нуждалась въ деньгахъ, чтобы сознательно дѣлать себя предметомъ насмѣшекъ на всѣхъ европейскихъ биржахъ.

Мы по возможности избѣгали касаться второстепенныхъ промаховъ въ области управленія русскими финансами, потому что, ка-

залось намъ, и порядокъ веденія наиболѣе крупныхъ кредитныхъ операцій этого десятилѣтія достаточно характеризовалъ всю царившую въ министерствѣ финансовъ систему. Но есть одинъ случай, о которомъ вполне стоитъ рассказать, потому что, при всей его второстепенности, онъ является весьма типичнымъ для всего этого періода.

Какъ только начали проводить Сибирскую желѣзную дорогу, для всѣхъ стало яснымъ, что рано или поздно придется строить дорогу на соединеніе Сибирской съ Среднеазіатской, и въ министерство финансовъ посыпались предложенія отъ разныхъ предпринимателей, которыя министерство неизмѣнно отклоняло до тѣхъ поръ пока въ 1902 г. не появился въ Европейской гостинницѣ членъ британскаго парламента Фредерикъ Горнеръ. Отношенія сразу измѣнились, произошелъ обмѣнъ визитовъ между избранникомъ вольнаго англійскаго народа и министромъ финансовъ Россійской Имперіи, и въ результатъ Фр. Горнеръ увезъ въ Лондонъ официальное письмо министра финансовъ, въ которомъ министръ сообщалъ ему условія, на которыхъ онъ соглашался дать ему концессию на постройку дороги стоимостью что-то болѣе 200.000.000 р. Курьезъ во всей этой исторіи состоитъ въ томъ, что въ то самое время, когда Фр. Горнеръ получалъ отъ Россіи кон-

цессію на сотни милліоновъ рублей, въ Англіи производилось слѣдствіе (и о немъ много говорили въ парламентскихъ и дѣловыхъ кругахъ Лондона) объ этомъ самомъ господинѣ за то, что, путешествуя по Швейцаріи и Италіи, онъ расплачивался въ отеляхъ чеками на банкъ, гдѣ у него болѣе не было текущаго счета. Наконецъ эта исторія, которую долго надѣялись замять, попала въ газеты, и тогда узнало о ней и русское министерство финансовъ. Само собою разумѣется, что такое веденіе финансовъ, при которомъ *уличенный* иностранный плутишка можетъ получать концессіи на сотни милліоновъ рублей гарантированнаго капитала, не можетъ поднять кредита страны, такъ какъ нетрудно вѣдь вообразить, какъ исправно и прибыльно для казны велось бы дѣло подъ высокимъ руководствомъ такого честнаго человѣка, какъ г. Фр. Горнеръ, и неослабнымъ наблюденіемъ такого освѣдомленнаго учрежденія, какъ наше министерство финансовъ того времени.

Такъ былъ погубленъ русскій государственный кредитъ.

ГЛАВА II.

Основой всей финансовой политики С. Ю. Витте явилась денежная реформа, и въ исторіи этой реформы всего ярче сказались какъ хорошія, такъ и вредныя стороны системы финансоваго управленія послѣдняго десятилѣтія.

Какъ теперь вполне точно извѣстно, вопросъ о введеніи размѣна на золото былъ окончательно рѣшенъ еще И. А. Вышнеградскимъ, который и выполнилъ самое важное условіе для его правильнаго разрѣшенія—накопилъ огромный золотой фондъ свыше полу-милліарда рублей, и вынесъ нареканія за всѣ мѣры, которыя пришлось для этого принять. С. Ю. Витте принадлежит важная заслуга проведенія проекта черезъ дебри петербургскихъ канцелярій, и рѣшимость взять всю реформу на свою личную отвѣтственность послѣ того какъ стало очевиднымъ, что Государственный Совѣтъ выскажется противъ нея. Въ этой стадіи вопроса С. Ю. Витте выказалъ себя не только выдающимся дипло-

матомъ, но и человѣкомъ смѣлымъ, рѣшительнымъ и высоко-работоспособнымъ. Иное приходится къ сожалѣнію сказать, когда мы обращаемся къ проекту по существу, и разбираемъ его съ болѣе практической точки зрѣнія — его приспособленности къ живой жизни. Здѣсь мы видимъ рядъ ошибокъ, свидѣтельствующихъ о непониманіи техники денежнаго обращенія и диллетантской конструкціи новой денежной системы. Въ дальнѣйшемъ эти ошибки оказались, однако, роковыми, и привели наконецъ къ существующему теперь положенію дѣлъ, при которомъ русская денежная система является грубой аномаліей въ валютномъ мірѣ, и, будучи въ дѣйствительности одной изъ самыхъ прочныхъ, легко можетъ оказаться несостоятельной при первомъ же неблагоприятномъ стеченіи обстоятельствъ. Это звучитъ какъ парадоксъ, но развѣ не парадоксъ вся система управленія финансами въ послѣднее предъ войной десятилѣтіе, и развѣ оставила эта система послѣ себя хоть что-нибудь прочное кромѣ паденія русскаго кредита и огромнаго увеличенія русскаго государственнаго долга?

На первое мѣсто въ числѣ техническихъ ошибокъ, допущенныхъ при созиданіи новой валютной системы, слѣдуетъ поставить рѣшеніе, данное основному вопросу всякой валютной системы—о размѣрѣ предѣльнаго закон-

наго выпуска непокрытыхъ билетовъ. Непокрытый выпускъ кредитныхъ билетовъ предполагалось сперва опредѣлить въ 50⁰/о по суммы одного милліарда рублей, т. е. максимумъ въ 500 милліоновъ рублей, но Государственный Совѣтъ, относившійся къ денежной реформѣ вообще крайне несочувственно потребовалъ уменьшенія этого количества до его теперешняго размѣра, т. е. до 50⁰/о отъ суммы до 600 милл. р., или максимумъ 300 милл. р. Министръ финансовъ, который не сталъ считаться съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта вообще, и провелъ всю реформу вопреки намѣтившемуся въ немъ рѣшенію, повидимому совершенно не понималъ важности этого вопроса, и принялъ въ данномъ случаѣ поправку Государственнаго Совѣта—если можно такъ выразиться—изъ вѣжливости, желая мелкими уступками скрасить горечь разногласія по главному вопросу. Эта «уступчивость» министра финансовъ принесла однако съ 1896 г. весьма невкусные плоды. Если 300 милл. р. въ непокрытыхъ кредитныхъ билетахъ и могли еще удовлетворять требованіямъ денежнаго оборота въ 1896 г., то съ тѣхъ поръ государственный бюджетъ успѣлъ удвоиться, рельсовая сѣтъ также, денежные обороты страны по меньшей мѣрѣ удвоились (характерный примѣръ: годовой оборотъ суммъ по Государственному Банку

только за послѣдніе 6 лѣтъ возросъ съ 97,⁶ милліардовъ рублей въ 1899 г. до 152,⁷ милліардовъ рублей въ 1905 г.), а потому должна была весьма значительно увеличиться и потребность въ денежныхъ знакахъ. Этому способствовало и то обстоятельство, что банковыя учрежденія въ Россіи имѣются только въ болѣе значительныхъ торговыхъ центрахъ, пользуются ихъ услугами только высшіе классы дѣлового міра, чековая циркуляція совершенно ничтожна, и потому огромнѣйшая часть всѣхъ расчетовъ производится наличными деньгами. Благодаря этому общая сумма денегъ, безвозвратно завязанныхъ въ оборотахъ внутри страны, колоссальна, и несомнѣнно болѣе чѣмъ вдвое превосходитъ непокрытый максимумъ въ 600 милл. р. Эти завязанныя въ оборотѣ суммы покрываются, слѣдовательно, отчасти наличнымъ золотомъ, а отчасти золотыми банкнотами, т. е. банкнотами, покрытыми золотомъ рубль за рубль. Противъ этого нельзя было бы ничего сказать, если бы такимъ образомъ былъ вполне насыщенъ денежный голодъ страны, и у государства былъ обезпеченъ постоянный притокъ новаго золота. Тогда, по мѣрѣ роста товарнаго богатства страны и ея внутреннихъ оборотовъ, въ страну вливался бы и потокъ выражающихъ эти обороты денежныхъ знаковъ. Но вся бѣда въ томъ, что въ Россіи

положеніе было совершенно инымъ: весь ростъ торговли и промышленности страны происходилъ для удовлетворенія потребностей внутренняго рынка, который готовъ былъ удовлетвориться любымъ *хорошимъ* денежнымъ знакомъ, а министерство финансовъ съ громадными расходами навязывало рынку лучшіе денежные знаки чѣмъ ему нужно было.

Страна вполне готова была удовлетвориться банкнотами, которыя стоили дешево, ее «заставили» взять золото, которое стоило дорого. Результатъ этого былъ таковъ: такъ какъ золото получалось главнымъ образомъ путемъ займовъ изъ-за границы и стоило дорого, то его въ распоряженіи правительства было всегда мало, и становилось еще меньше отъ того, что ростъ денежныхъ оборотовъ въ странѣ понемногу выкачивалъ этотъ желтый металлъ изъ Государственнаго Банка.

До войны, пока займы были возможны и поступали почти цѣликомъ въ торговый оборотъ (путемъ постройки желѣзныхъ дорогъ), такая политика, при всей ея неразумности, была фактически возможна, а министерство финансовъ было въ состояніи поддерживать установленную норму выпуска банкнотъ, и удовлетворять остальнымъ нуждамъ страны выпусками золота. Но эта система подготовляла затрудненія для правительства, и они

въ свое время естественно наступили. Война сократила возможность займовъ на промышленныя цѣли, и этимъ впервые заставила правительство отступить отъ прежней его политики. Путь отступленія былъ ему однако отрѣзанъ сдѣланной въ свое время С. Ю. Витте ошибкой, и, вмѣсто того чтобы увеличить размѣръ непокрытыхъ золотомъ билетовъ, правительство оказалось вынужденнымъ увеличивать выпуски билетовъ покрытыхъ золотомъ, т. е. вмѣсто того, чтобы лишить золотого покрытія тѣ билеты, которые къ размѣну никогда представлены быть не могутъ, оно вынуждено было ослабить золотое покрытие у билетовъ, которые легко могутъ быть представлены къ размѣну.

По ироніи судьбы тому же С. Ю. Витте, который создалъ денежную реформу съ ея сильными и слабыми сторонами, пришлось на практикѣ нанести этой реформѣ и послѣдній ударъ, причемъ, какъ это ни странно, онъ и въ этотъ роковой для русскаго золотого обращенія моментъ повидимому не понималъ еще сдѣланныхъ имъ 8—9 лѣтъ тому назадъ ошибокъ.

Въ послѣдней четверти 1905 г. притока по займамъ не было, поступленіе государственныхъ доходовъ вслѣдствіе революціи было замедлено, и потому, въ интересахъ сохраненія золотой валюты, послѣдней опоры

нашего кредита въ тотъ моментъ, желательна была возможная осторожность въ производствѣ выдачъ и въ усиленіи размаха денежныхъ оборотовъ въ странѣ. Между тѣмъ никогда со временъ кризиса 1899—1901 г.г. не открывалъ Государственный Банкъ такъ широко своихъ дверей крупнымъ торгово-промышленнымъ сферамъ, какъ именно въ этотъ періодъ: выдачи по учету были въ октябрѣ—39,3 милл. р., въ ноябрѣ—74,5 милл. р., въ декабрѣ—64,0 милл. р.; задолженность частныхъ банковъ по переучету—на 1 ноября—70,4 милл. р., на 1 декабря—148,2 милл. р., на 1 января 1906 г.—195,2 милл. р. и т. д. Результатомъ этого было то, что Государственный Банкъ остался безъ нормальныхъ ресурсовъ, и оказался вынужденнымъ съ 17 декабря 1905 г., если не нарушить законъ о денежномъ обращеніи, то во всякомъ случаѣ значительно расшатать вѣру въ твердость золотой валюты въ то самое время, когда страна, благодаря прежней ошибкѣ министра финансовъ, пользовалась nepзволительной роскошью—имѣть внутри принудительное обращеніе золота и золотыхъ банкнотъ тамъ, гдѣ съ такимъ же удобствомъ для населенія могли еще на много сотенъ милліоновъ обращаться непокрытые кредитные билеты.

Въ общемъ русскую золотую валюту можно сравнить съ нагруженной платформой.

Къ сожалѣнію, однако, строившіе эту платформу механики плохо представляли себѣ предстоящую ей работу и потому совершенно неправильно распредѣлили въ ней способность сопротивленія: въ срединѣ, гдѣ нѣтъ никакого давленія, способность сопротивленія сдѣлана колоссальная, а по краямъ, гдѣ давленіе возможно, способность сопротивленія почти равна нулю. Результатъ тотъ, что хотя платформа можетъ выдержать 5 тоннъ, она начинаетъ трещать при нагрузкѣ на ней 2 тоннъ.

Послѣ сказаннаго становится ясною вторая важная ошибка, сдѣланная при проведеніи валютной реформы и дающая себя чувствовать теперь.

По проведеніи закона о денежномъ обращеніи, министерство фанансовъ настойчиво стремилось ввести во внутренній оборотъ возможно большее количество золотой монеты, для чего, рядомъ съ изыятіемъ изъ обращенія мелкихъ кредитныхъ билетовъ (въ 1 р., 5 р. и 10 р.) была установлена обязательная выдача золотой монеты при всѣхъ платежахъ изъ банковскихъ и казначейскихъ кассъ. Въ общемъ, за время съ 1897 по 1903 г.г., т. е. въ теченіе 7 лѣтъ, было извлечено изъ оборота мелкихъ кредитныхъ билетовъ на сумму 432,½ милл. р., а за счетъ ихъ не только сокращено бумажно-денежное обраще-

ніе на 369 милл. р., но и усилено обращеніе билетовъ крупныхъ достоинствъ (выпусками билетовъ 50 р. и 500 р. достоинства) на сумму 63,⁵ мил. р.

Такимъ образомъ изъ оборота были изъяты тѣ именно билеты, которые всего менѣе предъявляются къ размѣну, и которые обращаются въ наиболѣе консервативной части населенія, и замѣнены были билетами, которые всего легче попадаютъ въ размѣнъ. Крестьянство, мало образованное и плохо разбирающееся въ надписяхъ, предпочитаетъ тѣ деньги, къ цвѣту и формѣ которыхъ оно привыкло, и боится новыхъ денегъ, въ цѣнности которыхъ оно не увѣрено, и съ которыми оно можетъ быть введено въ обманъ. Поэтому оно десять лѣтъ тому назадъ не хотѣло брать золотыхъ монетъ, а затѣмъ первое время (въ 1904 г.) подозрительно смотрѣло на вновь появившіяся рублевые и пяти рублевые бумажки, отъ которыхъ оно успѣло уже отвыкнуть.

Иными словами, въ періодъ 1898—1903 г.г. министерство финансовъ съ громадными трудами и затратами постаралось закрыть народный рынокъ для своихъ собственныхъ билетовъ, а такъ какъ всѣ злыя дѣла легко удаются, то удалось и это.

Есть однако еще одна ошибка, менѣе важная по своимъ послѣдствіямъ, но весьма ха-

рактрная для показанія сумбурности всего техническаго построенія денежной реформы 1897 г.

Всегда болѣе озабоченное (а быть можетъ и болѣе освѣдомленное въ этомъ направленіи) стремленіемъ благополучно проламинировать въ петербургской «внутренней» политикѣ высшихъ канцелярій, чѣмъ яснымъ сознаніемъ техническихъ требованій своихъ мѣропріятій, министерство, какъ и въ указанномъ уже выше случаѣ, съ готовностью приняло совѣтъ нашихъ доморощенныхъ биметаллистовъ, и одновременно съ введеніемъ золотой валюты начеканило такъ называемаго полноцѣннаго серебра почти на 200 милл. р. Для этого министерство финансовъ вынуждено было взять изъ золотого фонда, собраннаго путемъ страшнаго напряженія хозяйственныхъ силъ страны, около 150 милл. р. золота, которое готовы были принять вездѣ, выслать его за границу, тамъ купить на него серебро, котораго никто не хотѣлъ брать, и съ громадными усиліями навязать его странѣ. Удалось это сдѣлать весьма простымъ, но въ то же время нѣсколько грубымъ способомъ—путемъ изъятія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ въ одинъ рубль. Такимъ образомъ были удовлетворены тѣ вліятельные круги, которые защищали серебро въ Петербургѣ, а какъ эта мѣра отразится на странѣ и ея денеж-

номъ обращеніи, министръ финансовъ пови-
димому не понималъ, а потому и не забо-
тился. Между тѣмъ со времени усиленныхъ
выпусковъ мелкихъ кредитныхъ билетовъ по-
ложенеіе получилось у насъ совершенно не-
нормальное потому что одновременно въ об-
ращеніи оказались съ одной стороны удоб-
ные и портативные кредитные билеты, а съ
другой — громоздкое серебро, цѣнность кото-
раго къ тому же изо дня въ день падаетъ все
болѣе. Естественно поэтому ожидать, что
мало-по-малу лучшія деньги (кредитные би-
леты) вытѣснятъ изъ обращенія худшія (се-
ребряные рубли), которыя прильютъ къ кас-
самъ Государственнаго Банка, да тамъ и
останутся. Но 200.000.000 р. въ серебрянныхъ
рубляхъ въ дѣйствительности врядъ ли стоятъ
150 милл. р., а если правительство попы-
тается сбыть этотъ бѣлый, никому болѣе не
нужный, металлъ, то оно только уронитъ его
цѣну, и выручитъ еще меньше. Эта ошибка
пока еще не дала себя чувствовать именно
вслѣдствіе того консерватизма населенія, на
который мы указывали выше, и который за-
ставляетъ держать худшія, но привычныя,
деньги предпочтительно предъ лучшими, но
новыми. Тѣмъ не менѣе въ высшихъ финан-
совыхъ кругахъ заграницей уже считаются
съ тѣмъ, что и Россіи придется платить за
демонетизацію серебра.

Оглядывая всю денежную реформу, мы видимъ, что при ея построении имѣлось главнымъ образомъ въ виду поставить высшія петербургскія учрежденія предъ совершившимся фактомъ уже проведенной реформы, и значительно менѣе вниманія обращалось на то, какъ привьется реформа въ странѣ. Петербургскій «внутренній» дипломатъ побѣдилъ министра финансовъ, и результатъ такой «внутренней» побѣды не могъ не оказаться плачевнымъ для страны. Реформа была построена такъ, что, какъ бы ни измѣнились условія денежнаго обращенія въ странѣ и размѣры ея оборотовъ, законнаго пути для увеличенія количества непокрытыхъ кредитныхъ билетовъ сохранено не было. Выпуски билетовъ и распредѣленіе ихъ по достоинствамъ дѣлались такъ, что облегчалась возможность прилива билетовъ въ кассы банка для размѣна, а слѣд., при первомъ благоприятномъ стеченіи обстоятельствъ, и возможность спекуляціи на курсъ русскаго рубля. И, наконецъ, была совершена затрата 150 милл. р. на покупку серебра, присутствіе котораго могло только ослабить вѣру въ прочность денежной реформы. Съ точки зрѣнія валютной техники реформа была проведена по дѣтски, и нужна была только наличность благоприятной случайности, чтобы открылась игра на русскій рубль.

Такою случайностью и была грозовая туча, появившаяся на политическомъ горизонтѣ во второй половинѣ 1903 г. Вслѣдствіе обостренія политическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ курсъ нашей ренты на Западно-Европейскихъ биржахъ началъ падать, что вызвало приливъ ея къ намъ изъ-за границы; несмотря на это, Государственный Банкъ продолжалъ свою борьбу за курсъ $99\frac{1}{2}\%$, который былъ для него установленъ въ первой половинѣ года, и слѣпо покупалъ ренту по этому курсу, который превышалъ заграничный курсъ на 2% , что вызвало естественный приливъ ренты въ Россію. Между тѣмъ политическія осложненія на Дальнемъ Востокѣ усиливались, и курсъ на ренту зараницей продолжалъ понижаться, такъ что Банкъ поставленъ былъ въ необходимость покупать все большія и большія партіи ренты. Такая политика Банка, требовавшая иммобилизаціи огромныхъ, далеко превышавшихъ его средства, капиталовъ, не могла конечно долго продолжаться, и Государственный Банкъ уже въ январѣ 1904 г. вынужденъ былъ отказаться отъ искусственнаго поддержанія курса на ренту, предоставивъ ее свободному биржевому обороту. Насколько установленная Банкомъ цѣна на ренту не соответствовала биржевой расцѣнкѣ этой бумаги, видно изъ того, что по прекращеніи покупки Банкомъ

ренты по этой цѣнѣ ($99\frac{1}{2}\%$) курсъ ея на биржѣ въ нѣсколько дней упалъ до 93% .

Заграницей прекрасно понимали, какой неблагоприятной и опасной работой занималось русское финансовое вѣдомство наканунѣ тяжелой и дорогой войны, но до тѣхъ поръ, пока оставалось неяснымъ, будетъ война или нѣтъ, игра на русскую валюту казалась слишкомъ рискованной и мало общающей. Поэтому до декабря репортъ оставался на уровнѣ довольно близкомъ къ нормальному за послѣдніе мѣсяцы (около 175 милл. р.). Но съ начала декабря всѣ сомнѣнія заграницей исчезли, и въ тоже время наиболѣе близкіе къ нашему финансовому вѣдомству банкиры (а имъ всего болѣе и открыта операція репорта) рѣшили попытаться сыграть на нашъ рубль, и притомъ, какъ это дѣлалось всегда, при содѣйствіи операціи репорта, такъ любезно предоставленной имъ С. Ю. Витте (объ этомъ будетъ сказано болѣе подробно въ послѣдней главѣ). Цифры по репорту сразу возрастаютъ—на 1 января 1904 г. до 218,¹ милл. р., а на 1 февраля 190 г.—даже до 257,² милл. р. Къ счастью для русскаго кредита, прекращеніе спекуляціи на русскій кредитъ со стороны финансоваго вѣдомства и такія простыя мѣры какъ повышенія коммиссіоннаго вознагражденія по операціи репорта въ три мѣсяца довели эту опе-

рацію до нормального размѣра въ 166,3 милл. р. сдѣлано, однако, это было при В. Н. Коковцевѣ.

Вторая попытка, несравненно болѣе удачная потому что формально она увѣнчалась успѣхомъ, была сдѣлана въ послѣдней четверти 1905 г. Техника этой второй была изумительно проста. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ было выдано по учету векселей, въ ссуды банкамъ, и частнымъ лицамъ подь $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ бумаги (т. е. въ значительной мѣрѣ на спекулятивныя цѣли), около двухсотъ миллионъ рублей, и въ то же время выпущено 120 милл. р. новыхъ кредитныхъ билетовъ. Установленное закономъ равновѣсіе между золотымъ обезпеченіемъ и выпускомъ кредитныхъ билетовъ было, благодаря этому, нарушено, что и дало поводъ говорить, что формально съ середины декабря у насъ не было золотого обращенія по закону 1897 г. Въ дѣйствительности, однако, здѣсь было только совершенно сознательное нарушеніе важнѣйшаго для русскаго кредита закона со стороны министра финансовъ, находившагося подь слишкомъ сильнымъ вліяніемъ главы кабинета. И то пораженіе, которое полтора года тому назадъ не сумѣли нанести русскому кредиту иностранные спекулянты, тепрь нанесъ ему, безъ особеннаго труда, глава русской исполнительной власти. Воистину, «неопытный»

другъ бываетъ иногда опаснѣе самаго опытнаго врага.

С. Ю. Витте былъ творцомъ русской валютной системы, и онъ же, въ самый тяжелый для нея моментъ, впервые довелъ ее до краха.

ГЛАВА III.

Государственный банкъ.

Русскій государственный банкъ является не только центральнымъ и единственнымъ эмиссионнымъ банкомъ страны, но и главнымъ источникомъ кредита для ея торговли, промышленности и частныхъ банковъ. Иначе впрочемъ и быть не можетъ въ странѣ, гдѣ важнѣйшія отрасли промышленности работаютъ главнымъ образомъ на казну, а банки (въ значительной мѣрѣ благодаря кредитной политикѣ государства) лишены возможности въ тяжелый моментъ пополнять свои кассы путемъ переучета векселей за границей. Къ тому же министерство финансовъ все время ревниво охраняло свое кредитное верховенство, и всегда настойчиво отказывало въ разрѣшеніи на открытіе новыхъ банковъ.

И вотъ, если можно сравнить уставъ банка съ рулемъ корабля, то государственный банкъ, при всемъ его выдающемся значеніи, сталъ въ послѣднее десятилѣтіе въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ судномъ безъ руля и

безъ вѣтриль, носящимся туда и сюда по оживленному экономическому морю, и отъ времени до времени тораящимъ то ту, то другую отрасль отечественной промышленности. Здѣсь мы вновь встрѣчаемся съ тѣмъ же явленіемъ, которое мы наблюдали въ предыдущей главѣ: высоко полезное государственное учрежденіе, которое могло бы стать важной опорой для развитія экономическихъ силъ страны, стало исключительно вслѣдствіе технической неумѣлости высшей финансовой администраціи однимъ изъ серьезнѣйшихъ препятствій къ этому развитію, и въ концѣ-концовъ привело къ страшному потрясенію какъ промышленность, такъ и кредитъ страны вообще.

До 1894 г. государственный банкъ жилъ по уставу 1860 г., выработанному въ то время, когда въ Россіи не было еще крупной промышленности, почти не было желѣзныхъ дорогъ, а сельское хозяйство было цѣликомъ основано на даровомъ трудѣ крѣпостныхъ. Банкъ учитывалъ торговые векселя, выдавалъ ссуды подъ процентныя бумаги, не зналъ почти никакихъ другихъ коммерческихъ операцій, и жилъ своей собственной жизнью, почти такъ же мало вліяя на жизнь Россіи, какъ если бы онъ былъ въ Китаѣ или Турціи. Въ 1892 г., при началѣ попытокъ ускорить темпъ экономической жизни страны,

естественно было обращено вниманіе и на государственный банкъ, и была, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ С. Ю. Витте, учреждена коммиссія, которая и занялась пересмотромъ устава банка. Въ основу легло положеніе: «предоставить торговлѣ и промышленности вообще и сельскохозяйственной въ особенности возможныя облегченія въ пользованіи кредитомъ» *). Чтобы достигнуть этого, было предложено сдѣлать главной задачей банка развитіе такъ называемаго предметнаго кредита, т. е. кредита на производство опредѣленнаго рода (напр., кредитъ фабриканту на производство сапогъ—фабрикантъ не имѣетъ права употребить полученныя деньги ни на что кромѣ даннаго производства). Кромѣ стремленія содѣйствовать развитію промышленности, въ этомъ заключалась еще и задняя мысль, которая красной чертой проходитъ во всей политикѣ министра того времени, и которую для даннаго случая высказалъ проф. Антоновичъ, впоследствии товарищъ министра финансовъ: «положить въ основаніе дѣятельности государственнаго банка такой прямо и непосредственно производительный кредитъ тѣмъ болѣе необходимо, что, устроивъ его, государство получаетъ возможность руководить всею дѣятельностью страны,

*) Всѣ цитаты сдѣланы по подлиннымъ (не опубликованнымъ) журналамъ коммиссіи и государственнаго совѣта.

направляя ее по своему усмотрѣнію къ достиженію общегосударственныхъ цѣлей». Въ этомъ заключалась основная мысль — въ рукахъ государственнаго банка должна была сосредоточиться экономическая полиція государства. Мы не ставимъ высшей финансовой администраціи того времени въ укоръ, что она не знала того, что дѣятельность страны направляется слишкомъ сложнымъ комплексомъ явленій чисто мірового значенія, и что не дѣло банка брать на себя роль экономического провидѣнія, и по своему усмотрѣнію бросать Россію изъ одной крайности въ другую. Мечтатели рѣдко сознаютъ истинный размѣръ своихъ силъ, а развѣ не мечтой была попытка «руководить всею дѣятельностью страны, направляя ее по своему усмотрѣнію къ достиженію общегосударственныхъ цѣлей»? Важнѣе было то, что въ осуществленіи этой задачи сказалось свойственное мечтателямъ неумѣніе справиться съ деталями, и вслѣдствіе этого странѣ, какъ мы увидимъ ниже, пришлось особенно дорого заплатить за «увлеченіе» высшаго руководителя ея финансовъ.

Преслѣдуя такія цѣли, комиссія нашла, что банку не слѣдуетъ ограничиваться только банковыми функціями, а потому, по уставу 1894 г., банкъ долженъ былъ учитывать векселя товарные и для торгово-промышленныхъ цѣлей, давать ссуды подь $\frac{0}{0}\frac{0}{0}$ бумаги, то-

вары и варранты, давать деньги на оборотные средства промышленникамъ, сельскимъ хозяевамъ и ремесленникамъ (последнимъ даже безъ реального обезпеченія), выдавать ссуды на покупку сельскохозяйственныхъ орудій и т. д.—однимъ словомъ, какъ формулировалъ задачи банка одинъ изъ членовъ комиссиі, давать деньги на всякое хорошее дѣло и подѣ всякое обезпеченіе, вплоть до «валюты честности ума», т. е. такого залога, котораго у средняго человѣка или совсѣмъ нѣтъ, или котораго слишкомъ много. Все очевидно зависѣло отъ того философскаго взгляда на человѣческую природу, котораго будетъ держаться администрація, призванная вести дѣло по новому уставу. Окажутся во главѣ дѣла довѣрчивые Маниловы, видящіе все окружающее въ розовомъ свѣтѣ, и готовые содѣйствовать всякимъ прекраснымъ начинаніямъ вплоть до моста, съ котораго видно было бы Москву, и банковыя операціи разовьются и процвѣтутъ. У угрюмыхъ Собакевичей дѣло и при новомъ уставѣ пошло бы тихо, спокойно, но вѣрно, потому что о какой же «валютѣ ума и честности» можетъ быть рѣчь для человѣка, по мнѣнію котораго во всей губерніи одинъ только порядочный человѣкъ и есть—прокуроръ, да и тотъ свинья.

Во всякомъ случаѣ на осуществленіе его широкихъ задачъ требовались и громадныя

средства въ распоряженіи банка, капиталъ же его былъ опредѣленъ только въ 50 милл. р. Уставъ банка не даетъ отвѣта на вопросъ, откуда предполагалось взять остальные сотни милліоновъ, но чтеніе протоколовъ коммисіи и журналовъ государственнаго совѣта говорятъ, что подъ новый дворецъ универсальнаго кредита предполагалось подвести фундаментъ изъ печатной бумаги—неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ.

Уставъ 1894 г., формально дѣйствующій и теперь, представлялъ собою грандіозную фантазію, которая не могла не разлетѣться при первомъ же столкновеніи съ дѣйствительной жизнью, какъ это и случилось въ ближайшіе же годы.

Совокупность операцій банка за послѣдніе 11 лѣтъ выражается слѣдующими цифрами *): (табл. I.)

Въ интересахъ цѣлости изложенія мы рассматриваемъ исторію государственнаго банка сперва за первый періодъ—по 1903 годъ—время управленія С. Ю. Витте, а затѣмъ отдѣльно за второй періодъ—1904—1906 г.—время войны и революціи.

Кромѣ того, въ виду исключительной важ-

*) Мои цифры нѣсколько отличаются, какъ по абсолютной величинѣ, такъ и по своей группировкѣ, отъ цифръ отчетовъ банка, потому что мои цифры взяты изъ исправленныхъ и проверенныхъ данныхъ какъ самого банка, такъ и государственнаго контроля. Разница впрочемъ весьма незначительна.

Табл. I.

Выдано въ милл. руб. \ въ теч. нїе годѣ.	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904
По учету векселей и дру- гихъ срочныхъ бумагъ .	508	565	494	516	752	796	853	793	856	805
По спеціальнымъ теку- щимъ счетамъ, обяза- тельнымъ векселямъ .	202	177	134	149	288	466	480	371	423	376
Въ ссуды подъ залогъ проц. бумагъ	199	228	173	156	222	296	367	279	228	229
Въ ссуды подъ залогъ то- варовъ и документовъ на товары	78	55	58	51	65	104	135	128	134	141
Въ ссуды промышленнымъ предпріятіямъ	17	19	15	13	34	59	77	64	64	54
Авансовъ жилищнымъ доро- гамъ	—	—	—	4	13	21	75	14	14	4
Въ ссуды сельскимъ хо- зяйствамъ и др. мелкія операци	47	33	22	15	13	13	13	16	22	20
	1,054	1,081	897	907	1,390	1,759	2,003	1,668	1,746	1,632

Табл. II.

Выдано въ мил. руб.	1895	1896	1897	1898	1899	1900	1901	1902	1903	1904
Въ теченіе года.										
Учетъ и переучетъ векселей	501	556	485	501	744	789	845	787	848	798
Кредитованіе частныхъ банковъ	286	348	252	293	553	815	888	671	724	686
Протестованные векселя за годъ	8	10	9	9	17	16	15	17	18	32
Средній размѣръ затратъ за годъ	185	183	153	134	180	211	233	218	217	211
Средній фотъ векселей (въ дняхъ)	134	120	110	96	95	98	100	99	93	86
Среднее время отъ выдачи векселя до его учета (въ дняхъ)	61	42	48	58	*)	*)	*)	*)	*)	*)

*) После 1898 г. отчеты банка объ этой статьѣ свѣдѣній болѣе не даютъ.

ности учетной операціи, мы даемъ за тотъ же періодъ и цифры, спеціально относящіяся къ ней: (Табл. II.)

Изъ этихъ таблицъ можно видѣть развитіе операцій банка за весь этотъ періодъ.

1894 годъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ *lune de miel* реформированнаго банка. Старыя операціи сильно возросли, новыя сразу дали довольно крупныя цифры. Правда, въ этомъ году уставъ банка только еще вводился, и новыя операціи появляются *anticipando*, и то только, главнымъ образомъ, во второй половинѣ года, но и за этотъ короткій срокъ успѣли обнаружиться шипы въ банковомъ вѣнцѣ изъ розъ.

Уже въ отчетѣ *) за 1894 г. банкъ жалуется на то, что землевладѣльцы не пользуются кредитомъ банка для усиленія своихъ оборотныхъ средствъ, а просто тратятъ полученные средства на свою жизнь. Поэтому въ 1895 г. банкъ обсуждаетъ вопросъ объ учрежденіи мѣстныхъ агентовъ, которые слѣдили бы за тѣмъ, какъ заемщики употребляютъ полученные отъ банка средства. Это было бы только развитіемъ основной идеи финансовой администраціи—возложенія на банкъ функций экономической полиціи, когда же этотъ курьез-

*) Говоря объ отчетѣ, мы имѣемъ въ виду не только цифровой отчетъ, публикуемый во всеобщее свѣдѣніе, но и негласныя приложенія къ нему.

ный проект пришлось отложить въ сторону, банкъ рѣшилъ *das Kind mit dem Bade ausschütten*, и понемногу свести всю операцію до минимума. Впрочемъ, это явилось задачей уже послѣдующихъ годовъ.

Съ 1895 года, перваго, въ который всѣ учрежденія банка начали работать по новому уставу, началось и сокращеніе учетной операціи вслѣдствіе непомѣрнаго роста протестовъ и массы злоупотребленій, потребовавшихъ даже удаленія управляющихъ нѣкоторыми мѣстными учрежденіями банка. Въ томъ же 1895 г. банкъ отказывается и отъ приѣма векселей для торгово-промышленныхъ цѣлей. введенію которыхъ придавалось такое важное значеніе только годомъ раньше, и ограничивается одними товарными векселями, знакомыми ему еще по допотопному уставу 1860 г. По вопросу о ссудахъ ремесленникамъ и кустарямъ банкъ въ 1895 г. нашелъ, что эта операція не имѣетъ шансовъ на дальнѣйшее развитіе, потому что она вообще не свойственна центральнымъ банкамъ. Кредитъ на покупку сельскохозяйственныхъ машинъ оказался поставленнымъ совершенно неудачно, и у банка, по словамъ отчета, возникла «склонность поставить операцію въ такія условія, при которыхъ она вѣроятно сократится». Однимъ словомъ финансовая администрація совершенно разочаровалась уже въ

своемъ уставѣ банка, и, не осмѣливаясь открыть въ этомъ признаться, въ 1895 г. занимается главнымъ образомъ изысканіемъ способовъ возможно полнѣе возвратиться къ существовавшему до 1894 г. положенію.

Броненосецъ подъ названіемъ «Государственный Банкъ», не давая ни одного сигнала о такомъ своемъ намѣреніи, повернулъ на новый путь на загромажденномъ болѣе мелкими судами морѣ экономической жизни, и не могъ не перевернуть кое-кого. Объ одной изъ такихъ ненужныхъ жертвъ рассказываетъ намъ отчетъ банка за тотъ же 1895 г. «тамъ, гдѣ банку пришлось оперировать съ ссудами подъ сельскохозяйственныя орудія, уже существовало много небольшихъ фабрикъ и мастерскихъ этого рода орудій. Начатая выдача ссудъ сейчасъ же подала поводъ нѣкоторымъ изъ нихъ значительно увеличить производство, въ полномъ сознаніи, что рынокъ для нихъ готовъ, и недоставало только наличныхъ покупныхъ средствъ». Когда банкъ совершенно неожиданно прекратилъ выдачу этихъ ссудъ, предприниматели, имѣвшіе право не ожидать столь рѣзкой смѣны политики центральнаго кредитнаго учрежденія страны, были разорены. Мы увидимъ далѣе, что такихъ жертвъ было много: это была первая половина платы за «мечтанія» финансовой адміністраціи, вторая половина можетъ быть най-

дена въ нашихъ биржевыхъ бюллетеняхъ отъ сего дня.

Въ 1896 г. министерство финансовъ начинаетъ открыто готовить введение золотой валюты, и политика банка еще разъ соотвѣтственно мѣняется: на этотъ разъ идеаломъ становится образованіе банковаго портфеля съ максимумомъ удобореализуемости и краткосрочности. Забыты старыя (т. е. періода 1893—1894 г.г.) намѣренія возможно облегчить странѣ пользованіе кредитомъ, и, наоборотъ, все дѣлается такъ, чтобы обезпечить себѣ возможность въ нужный для государства моментъ отобрать у торговыхъ сферъ всѣ данныя имъ въ кредитъ деньги. Правда, банковая практика на Западѣ еще во время наполеоновскихъ войнъ вполне установила абсолютную невозможность сдѣлать это при какихъ-бы то нибыло обстоятельствахъ; теоретики банковаго дѣла (напр. W. Bagehot, Lombard Str., ch. VII) утверждаютъ, что «такое предположеніе врядъ-ли стоитъ и опровергать», но наша финансовая администрація, во первыхъ, врядъ-ли знала объ этомъ, а, во вторыхъ, все послѣднее предъ войной десятилѣтіе жила въ сущности на основаніи «предположеній, которыя врядъ-ли стоитъ опровергать», а потому не сдѣлала исключеній и въ данномъ случаѣ. Факты русской исторіи показали, какъ неосновательна была погоня за «удобореали-

зуюмостью актива», которою такъ часто гордился министръ финансовъ въ Комитетѣ Финансовъ и Государственномъ Совѣтѣ. Въ 1899 г. начался кризисъ, и министръ финансовъ вмѣсто того, чтобы использовать «удобореализуемость», увеличиваетъ выдачи. Въ 1904 г. начинается война, и эти выдачи едва удастся сократить, не говоря ужъ объ истребованіи обратно прежде выданныхъ денегъ. Въ 1905 г. разражается грозное революціонное движеніе: тутъ-то казалось-бы и вспомнить объ «удобореализуемости» — и, такова иронія судьбы, при томъ-же С. Ю. Витте выдачи изъ Банка вновь достигаютъ небывалаго размѣра.

Впрочемъ, идея удобореализуемости актива если и свидѣтельствовала о слабомъ знакомствѣ съ банковымъ дѣломъ нашей финансовой администраціи, то въ сущности была довольно безобидной фантазіей, и не затрагивала прямыхъ интересовъ публики.

Хуже было съ вопросомъ о краткосрочности векселей. Какъ всякій дѣловой человѣкъ (кромѣ министра финансовъ того времени) знаетъ, срокъ векселя опредѣляется временемъ, которое покупателю товара нужно для его перепродажи, т. е. для того, чтобы товаръ доставить съ фабрики на мѣсто, разложить, продать и получить съ покупателей деньги. До тѣхъ поръ пока купецъ не получитъ де-

негъ со *своихъ покупателей*, ему нечѣмъ платить за взятый товаръ фабриканту. Поэтому средній срокъ векселя въ странѣ опредѣляется ея торговыми обычаями, состояніемъ въ ней путей сообщенія, расположеніемъ торговыхъ центровъ и т. д., а отнюдь не циркулярами центральныхъ банковъ. Но проникнутый вѣрою въ свои права экономической полиціи Банкъ не сталъ считаться съ такими вещами какъ интересы страны, и съ 1896 г. началъ настойчиво требовать краткосрочныхъ векселей; а такъ какъ такихъ векселей не было, то купцамъ пришлось выдерживать въ своихъ несгораемыхъ шкафахъ векселя до тѣхъ поръ, пока они не окажутся подходящими подъ требованія Банка. Послѣдній столбецъ нашей второй таблицы показываетъ, какимъ насильственнымъ образомъ создавалась краткосрочность портфеля Государственнаго Банка. Нельзя не обратить вниманія и на тотъ упрощенный способъ, которымъ финансовая администрація ускользала отъ возможности встрѣтить критическую оцѣнку своей дѣятельности: когда тѣ или другія цифры слишкомъ громко указывали на промахъ финансовой администраціи, она переставала ихъ представлять, и этимъ дѣло кончалось. Само собою разумѣется, что мы здѣсь имѣемъ въ виду не распубликованіе цифръ для всеобщаго свѣдѣнія, а представленіе свѣдѣній та-

кимъ учрежденіемъ какъ Комитетъ Финансовъ и Государственный Совѣтъ, которые въ министерство С. Ю. Витте очень часто получали свѣдѣнія въ приспособленной *ad usum delphini* формѣ. Къ этой-же мѣрѣ прибѣгло министерство финансовъ и въ данномъ случаѣ, чтобы скрыть тотъ фактъ, что оно заставляло русскую торговлю въ среднемъ треть срока векселя выдерживать его внѣ учета.

Незачѣмъ, конечно, говорить о томъ, какъ вредно отражалась эта политика на торговой жизни страны, а между тѣмъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ 1896—8 г. г., она проводилась чрезвычайно энергично.

Но... день Немезиды былъ близокъ. Въ 1899 г. разразился промышленный кризисъ, который сразу выяснилъ, что почти вся промышленность, созданная въ послѣдніе 6—7 лѣтъ, не имѣетъ опредѣленнаго рынка (если не считать казну) для сбыта ея продуктовъ; что торговля (въ силу политики Банка) не имѣетъ правильного оборота капиталовъ, и что частные банки, которые никогда не были въ такомъ подчиненіи у министра финансовъ, какъ именно при С. Ю. Витте, несмотря на это (или благодаря этому) настолько увлеклись грюндерскими операціями и игрою на биржѣ, что не только оказались не въ состояніи помочь странѣ выйти изъ ея затрудненій, но сами стояли наканунѣ краха. Всѣ нужда-

лись въ деньгахъ, а тѣ кто не нуждался, тоже жаловались на всякій случай, потому что никто не зналъ, какъ далеко поидетъ развитіе промышленныхъ затрудненій.

Цифры за 1899—1901 гг. въ первой таблицѣ показываютъ, въ какой мѣрѣ Государственный Банкъ пришелъ на помощь пострадавшей отъ кризиса промышленности, но есть обстоятельства, которыя только отчасти можно видѣть изъ этой таблицы.

Когда начался кризисъ, выяснилось, что многія предпріятія нуждаются въ крупныхъ ссудахъ въ милліоны рублей, по уставу же Банка ссуда промышленному предпріятію не можетъ превышать 500.000 р. Былъ по этому одинъ только путь—измѣнить уставъ, но финансовая администрація по нему не пошла, и предпочла въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ выдачи свыше 500.000 р. испрашивать особое Высочайшее повелѣніе на нарушеніе устава. Итакъ огромныя суммы, во всякомъ случаѣ не менѣе 65—70 милл. р. были розданы уже пошатнувшимся предпріятіямъ изъ Государственнаго Банка. Но въ тоже время Банкъ сталъ выражать опасенія, что владѣльцы предпріятій безъ ближайшаго надзора чиновниковъ финансовой администраціи не сѹмѣютъ распорядиться данными имъ деньгами, и въ правленія предпріятій, воспользовавшихся кредитомъ «на особыхъ основаніяхъ» (такъ

называли противоуставныя ссуды) были введены на правахъ членовъ правленій чиновники Банка, финансовой администраціи и разныя просто полезныя главѣ вѣдомства лица, вплоть до успѣшныхъ публицистовъ изъ пользовавшихся вліяніемъ въ высшихъ сферахъ консервативныхъ органовъ. Здѣсь соединились два могучихъ мотива — стремленіе министерства финансовъ къ установленію полицейскаго надзора на экономической почвѣ и пріятность для отдѣльныхъ лицъ получать сверхъ казеннаго жалованія десятки тысячъ рублей за «наблюденіе» — и потому это нововведеніе сразу прочно укоренилось, и стало быстро разрастаться изъ мѣсяца въ мѣсяць. Трудно себѣ представить весь вредъ, который принесъ русской промышленности этотъ институтъ экономической полиціи министерства финансовъ. Назначаемыя министромъ финансовъ лица почти безъ исключеній были очень плохими дѣльцами, а предпріятія, въ которыя они попадали, типичныя дѣти эпохи грюндерства, требовали настоящихъ знатоковъ дѣла; вслѣдствіе этого положеніе становилось все хуже, полученная отъ Банка ссуда быстро растрчивалась, и предпріятіе съ его «правительственными» директорами вновь оказывалось безъ денегъ, и, какъ водится, шло за ними къ Банку. Теперь, однако, интересы предпріятій предъ Банкомъ защищались ихъ

директорами, которые въ тоже время были и чиновниками финансовой администраціи, а потому только въ особо-рѣдкихъ случаяхъ могъ послѣдовать отказъ въ ссудѣ, и это повторялось до тѣхъ поръ, пока предпріятіе или становилось несостоятельнымъ, или попадало на вѣчное иждивеніе Банка. Сколько Банкъ потерялъ такимъ образомъ, опредѣлить трудно, но приблизительно извѣстно, что во всякомъ случаѣ не менѣе 50—55 милл. р., вѣроятно-же значительно болѣе. Это еще одна часть платы за «мечтанія» министра финансовъ. Сколько было такимъ образомъ спасено предпріятій, мы не знаемъ, какъ не знаемъ ни одного предпріятія, въ которое было-бы введены правительственные директора, и которое все-таки стало-бы на ноги.

Хуже всего было однако то, что отчасти благодаря нахожденію чиновниковъ на службѣ предпріятій, а отчасти и потому, что финансовая администрація хотѣла скорѣе получить обратно свои деньги, лучшіе заказы казны шли преимущественно тѣмъ предпріятіямъ, которые получили ссуды отъ Банка, такъ что здоровыя предпріятія, собственными силами пережившія кризисъ, оказались въ несравненно худшемъ положеніи, чѣмъ задолженныя, и вынуждены были на «желѣзномъ сѣздѣ» въ Петербургѣ ходатайствовать о прекращеніи выдачи противоуставныхъ ссудъ.

Многихъ изумляло рѣзко-оппозиціонное настроеніе промышленности, высказавшееся въ рядѣ записокъ въ январѣ и февралѣ 1905 г. Это настроеніе легче будетъ понять, если припомнить, что задолго до эпохи свободъ промышленности приходилось созывать цѣлые съѣзды, чтобы просить министра финансовъ не нарушать закона и не отдавать этимъ всей русской промышленности въ руки кучки дѣльцовъ, неумѣлыхъ, но юркихъ...

Результаты борьбы съ кризисомъ были таковы: кризисъ получилъ затяжной характеръ, рядъ частныхъ предпріятій оказался въ весьма странныхъ отношеніяхъ къ казнѣ, чиновники стали во главѣ важныхъ промышленныхъ дѣлъ и получили возможность портить ихъ и мѣшать здоровымъ предпріятіямъ въ ихъ борьбѣ за заказы; портфель Банка оказался переобремененнымъ крайне трудно реализуемымъ матеріаломъ, и десятки милліоновъ казенныхъ денегъ были потеряны навсегда.

Откуда-же бралъ Банкъ средства, на свои обширныя операціи? Собственнаго капитала въ 50 милл. р. ему было безусловно недостаточно, вклады были и абсолютно невелики, и изъ года въ годъ регулярно уменьшались; выпусковъ кредитныхъ билетовъ, на которые возлагалась вся надежда при созиданіи устава Банка, какъ видно изъ предыдущей главы, тоже не было, и, слѣдовательно, единствен-

нымъ источникомъ являлись только средства казны.

Здѣсь, такимъ образомъ, начало объясненія того, ради чего русская финансовая администрація, не останавливаясь ни передъ какими униженіями для государства, металась по всему свѣту въ поискахъ за деньгами въ то время, когда эти деньги не были нужны государству. Они нужны были ей, чтобы установить полицейское управленіе экономической жизнью страны и чтобы, несмотря ни на какія затраты, покрывать свои ошибки въ надеждѣ на то, что онѣ, будутъ забыты прежде, чѣмъ придетъ день расчета. Такимъ образомъ значительныя суммы были бесполезно затрачены, а еще большія, полученныя за дорогую цѣну заграницей, столь-же бесполезно иммобилизованы, но честь вѣдомства и его главы была спасена.

Само собою разумѣется, что опытные и превосходно во всемъ освѣдомленные банкиры европейскихъ финансовыхъ центровъ прекрасно видѣли и понимали что у насъ происходитъ, и, если и давали намъ деньги, то ясно сознавая, что эти деньги будутъ растрачены совершенно бесполезно для страны. Мы далѣе увидимъ, какъ ловко они такимъ положеніемъ вещей воспользовались, но уже теперь мы не можемъ не отмѣтить, что кредитъ явному расточителю никогда не оказывается на льготныхъ основаніяхъ, и что тотъ,

кто не умѣетъ выгодно тратить деньги, не умѣетъ ихъ и получать. Почему, несмотря на все это, заграничныя банковыя сферы всегда превозносили С. Ю. Витте, мы попытаемся выяснитъ въ послѣдней главѣ этой книги.

О дѣятельности Государственнаго Банка въ 1904 и 1905 г. г. въ печати появилось такъ мало свѣдѣній, а тѣ, которыя появились, основаны на столь неполныхъ матеріалахъ (обыкновенно—балансахъ Банка), что мы считаемъ нелишнимъ дать здѣсь-же небольшой обзоръ дѣятельности Банка и за эти два года, тѣмъ болѣе, что послѣдніе два мѣсяца 1905 г. едва не оказались роковыми для всего будущаго русскихъ финансовъ.

Вторая половина 1903 г. ознаменовалась фактическимъ отсутствіемъ руководителя финансоваго вѣдомства, что было тѣмъ важнѣе, что за истекшіе десять лѣтъ это вѣдомство было приучено руководиться не закономъ (съ которымъ въ важныхъ случаяхъ не считались) и не какой-нибудь опредѣленной программой (ея не было), а исключительно бурной волею его министра. Э. Д. Плеске, замѣнившій Витте, проработалъ около двухъ мѣсяцевъ и, не успѣвъ еще войти въ курсъ дѣла, заболѣлъ и ушелъ. П. М. Романовъ пробылъ также недолго, и, не имѣя въ виду оставаться министромъ финансовъ, тщательно старался не выходить изъ рамокъ «испр. об.»

О политикѣ Банка можно поэтому говорить только со времени назначенія на постъ министра финансовъ В. Н. Коковцева.

Въ февралѣ 1904 г. вопросъ о финансовой политикѣ правительства въ связи съ войной былъ предметомъ обсужденія секретнаго Комитета Финансовъ, который постановилъ ни въ коемъ случаѣ не прекращать размѣна банкнотъ на золото. Въ виду этого Банку было рекомендовано отнюдь не допускать развитія спекуляціи на повышение или пониженіе, но въ то же время по возможности не стѣснять здоровыхъ торговыхъ операцій. Исслѣдователь жизни Банка въ первый годъ войны не найдетъ тамъ никакихъ откровеній въ банковской наукѣ, но задачу свою Банкъ исполнилъ въ общемъ успѣшно.

Затраты на активныя операціи, по сравненію съ 1903 г. выразились слѣдующими суммами (въ милл. рублей):

	1903 г.	1904 г.
1 января	479,4	476,0
1 февраля	448,9	488,3
1 августа	384,2	376,0
1 декабря	444,2	405,7
	1904 г.	1903 г.
1 января	476,0	402,6
т. е. всего за годъ активныя операціи сократились на 73,4 милл. руб., причемъ изъ этихъ операцій всего болѣе сократилось учетная		

(въ 1904 г. было учтено векселей на 566,6 милл. р., въ 1903 г. на 630,6 милл. р.). Въ первые мѣсяцы послѣ объявленія войны и въ Россіи, и за границей на Банкъ усиленно нападали за сокращеніе его кредитовъ, и въ особенности за повышеніе имъ учетныхъ нормъ. Теперь ясно, однако, что эти нападки были совершенно неосновательны, и что, хотя Банкъ дѣлалъ много ошибокъ въ прошломъ, этой ошибки онъ не сдѣлалъ. Повышеніе учетныхъ нормъ сводилось къ тому, что тотчасъ по объявленіи войны (31 янв. 1904 г.) Банкъ поднялъ учетъ на 1% и не измѣнялъ этой ставки до конца года. Не говоря уже о томъ, что при войнѣ прежнія ставки были несомнѣнно слишкомъ низки (4½% для 3-хъ мѣсячныхъ векселей), Госуд. Банкъ имѣлъ предъ собою примѣръ несравненно болѣе энергичныхъ дѣйствій Англійскаго Банка, который въ 1899 г. поднялъ учетъ на 2½% въ періодъ между 30 октября и 30 ноября. Несмотря на такое повышеніе учета и другія мѣры Банка, учетъ въ февралѣ и Апрѣлѣ 1904 г. былъ выше чѣмъ въ 1903 г. (58 и 50 мил. р., въ 1904 г. и 47 и 43 мил. р., въ 1903 г.) и рѣзко сократился только во второй половинѣ года, да и то не отъ чинимыхъ Банкомъ стѣсненій, а отъ того, что *страна не нуждалась въ деньгахъ*.

Это неожиданное на первый взглядъ яв-

леніе заслуживаетъ объясненія. Дѣло въ томъ, что нормально наибольшее требованіе на деньги происходитъ въ осенніе и зимніе мѣсяцы, когда происходитъ ликвидація урожая. Въ 1904 г. ликвидація урожая сильно замедлилась вслѣдствіе неспособности дорогъ вывезти весь предложенный имъ хлѣбъ. Правда, это повторяется ежегодно, но никогда залежи не достигали того колоссальнаго размѣра (около 150.000 вагоновъ), какого они достигли на занятыхъ воинскими перевозками дорогахъ въ 1904 г. Хлѣбъ лежалъ и часто мокъ подъ дождемъ, страна страдала, но Банкъ тутъ ничѣмъ не могъ помочь.

Важное затѣмъ вліяніе оказалъ и тотъ фактъ, что частные банки были переполнены деньгами:

Средніе мѣсячные остатки были (въ милл. р.):

	Касса	Вклады
въ 1903 г.	77,3	684,1
въ 1904 г.	85,9	751,1

Дѣло доходило до того, что нѣкоторые изъ солиднѣйшихъ банковъ (напр. Волжско-Камскій), за неимѣніемъ на рынкѣ первоклассныхъ векселей, вынуждены были покупать для помѣщенія средствъ серіи (3,6%) Государственнаго Казначейства.

Такимъ образомъ 1905 годъ начался при подавленномъ настроеніи въ торговомъ мірѣ и при тенденціи Банка къ сокращенію опе-

рацій. Съ самаго начала года къ неблагопріятному для торговли вліянію войны присоединилось и вліяніе внутренней смуты, которая не могла не вызвать рѣзкаго ослабленія торговыхъ оборотовъ. Послѣдствія этого были двоякаго рода. Съ одной стороны количество здоровыхъ торговыхъ сдѣлокъ сократилось подъ вліяніемъ общей неувѣренности въ томъ, что дастъ ближайшее будущее, и вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ это всегда бываетъ при общемъ сокращеніи дѣлъ, понизилась общая кредитоспособность дѣлового міра, такъ какъ тѣ, кто былъ въ состояніи платить при хорошемъ состояніи дѣлъ, перестали платить теперь. Соотвѣтственно съ этимъ должны были сократить свои операціи кредитныя учрежденія, и, конечно, прежде всего центральное кредитное учрежденіе страны—Государственный Банкъ.

Съ другой стороны всѣ тѣ, чья кредитоспособность стала сомнительной и кому Банкъ началъ отказывать въ кредитѣ, никакъ не могли помириться съ такимъ взглядомъ на вещи, и громко роптали на то, что Банкъ ихъ не поддерживаетъ въ тяжелую для нихъ минуту. Мы увидимъ далѣе, къ чему все это привело.

Анализируя дѣятельность Банка въ 1905 г., мы должны разбить ее на двѣ части: съ января по октябрь (управленіе Коковцева) и съ конца октября по конецъ года (управленіе

Шипова—Витте). Въ первой половинѣ года операциі были сокращены даже по сравненію съ 1904 г., который, какъ мы видѣли, и самъ не отличался лихорадочной дѣятельностью: по учету за это время было выдано въ 1904 г.—373,⁹ милл. р., а въ 1903 г.—483,⁵ милл. р., а по переучету средній остатокъ за этотъ періодъ въ 1904 г.—46,¹⁰ милл. р., въ 1905 г.—44,³ По другимъ операциямъ отчетъ свѣдѣній распредѣленіе выдачъ по мѣсяцамъ не даетъ, но изъ еженедѣльных балансовъ видно, что столь-же сдержанно было и развитіе другихъ операций.

Благодаря этому торговля и, еще болѣе, промышленность попали какъ-бы въ тиски: съ одной стороны рабочіе требуютъ увеличенной платы, должники не платятъ долговъ, товары идутъ плохо, а съ другой — Банкъ сдерживаетъ кредитъ и не хочетъ давать деньги всякому приходящему. Естественно было рожденіе недовольства въ этихъ вообще лойяльныхъ сферахъ. Крупная торговля и промышленность начали объединяться въ политическіе союзы съ рѣзко-оппозиціонной окраской, и одна изъ этихъ организацій (контора желѣзо-заводчиковъ) въ 2 часа ночи съ 18 на 19 октября 1905 г. (т. е. въ день опубликованія знаменитаго манифеста) заявила гр. Витте: «мы не вѣримъ словамъ и повѣримъ только дѣлу. Дайте намъ дѣло.» «Дѣло»

было имъ дано и промышленность перешла въ Союзъ 17 Октября и еще болѣе правая партіи. Это знаменуетъ, однако, второй періодъ въ жизни Банка въ 1905 году, когда право распоряженія перешло въ руки гг. Витте—Шипова.

Учетъ опять рѣзко поднялся—за ноябрь и декабрь 1905 г. 138,5 милл. р. противъ 83,1 въ 1904 г. и еще болѣе увеличилось кредитованіе частныхъ банковъ—на 1 декабря 148,2 милл. р. противъ 39,6 милл. р. на 1 декабря 1904 г., и на 1 Января 1906 г.—196,2 милл. р. противъ 37,8 милл. р. на 1 Января 1905 г. Рѣзко увеличились выдачи и по остальнымъ операціямъ, хотя въ общемъ 1905 г. остался позади 1904 г. почти по всей линіи, кромѣ ссудъ подъ процентныя бумага, причемъ особенно развивалась, носящая несомнѣнно спекулятивный характеръ и доступная главнымъ образомъ для банковъ и наиболѣе крупныхъ предпріятій, операція ссудъ по спеціальнымъ текущимъ счетамъ, обезпеченнымъ $\frac{0}{100}$ бумагами, по которой выдано втеченіе года 368,2 милл. р. (въ 1904 г.—192,2 милл. р.), и на 1 Января 1906 г. образовался колоссальный балансовый остатокъ въ 229,4 милл. р. (на 1 Января 1905 г.—80,6 милл. р.).

Характернѣе всего, однако, то, что въ такомъ развитіи операцій, которое, какъ мы

показали въ предыдущей главѣ, поставило даже въ опасность самый размѣнъ на золото, въ сущности не было надобности. Банкъ указывалъ на то, что 1) промышленность была поставлена въ тяжелое положеніе событіями послѣднихъ мѣсяцевъ и 2) что въ концѣ года были сокращены заграничные кредиты частныхъ банковъ. Первое въ такой-же мѣрѣ можетъ относиться ко всему году, что-же касается второго, то это указаніе фактически невѣрно. Дѣло въ томъ, что всѣ почти заграничные кредиты русскихъ частныхъ банковъ проходятъ черезъ операцію «репорта» въ Государственномъ Банкѣ, и вотъ какъ разъ за весь годъ максимумъ остатка по репорту приходится на 1 декабря 1905 г., т. е. въ то самое время, когда частные банки шире всего пользовались заграничнымъ кредитомъ, Государственный Банкъ усиленно поддерживалъ ихъ, вслѣдствіе сокращенія у нихъ этихъ кредитовъ. Впасть въ такую ошибку Банкъ не могъ, и потому тутъ можно только предполагать своеобразное *do ut des* на почвѣ внутренней политики, а это, конечно, ничего общаго съ чистобанковымъ дѣломъ не имѣетъ.

Правда, и въ такомъ случаѣ незачѣмъ давать почти завѣдомо неправильныхъ объясненій...

Промышленные неудачи.

Ошибки министерства финансовъ въ области поощренія русской (преимущественно металлургической) промышленности привели послѣднюю къ краху (этотъ терминъ кажется намъ болѣе точнымъ, чѣмъ неопредѣленное слово «кризисъ» — съ 1900 г. съ достаточной полнотой выяснилось, что начавшійся тогда кризисъ имѣлъ фатальный исходъ). Этотъ крахъ слишкомъ больно ударилъ массы людей по карману, чтобы они могли сидѣть смирно и не поинтересоваться причинами постигшаго ихъ несчастья — а какъ только принялись за выясненіе этихъ причинъ, тотчасъ-же обнаружилась и роль въ этомъ крахѣ политики министерства финансовъ въ періодъ 1892—1899 и послѣдующихъ годовъ. Если мы по этому и останавливаемся еще все-таки на такъ называемомъ промышленномъ кризисѣ, то вовсе не для того, что-бы сказать о немъ что-либо новое, а исключительно для того, что-бы пополнить тѣ факты, которые жестоко отразились, и продолжаютъ отражаться, на отно-

шеніи заграничныхъ дѣловыхъ сферъ къ напему кредиту.

Среди способовъ подорвать довѣріе къ платежеспособности Россіи, если-бы кто-нибудь захотѣлъ таковыя изыскать, несомнѣнно однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ было-бы доказать, что, хотя въ Россіи и есть неисчерпаемыя естественныя богатства, въ ней существуетъ въ тоже время и цѣлый рядъ такихъ причинъ, въ силу которыхъ предприниматель, достаточно неосторожный чтобы попытаться эти богатства разработать, можетъ только разориться. Доказать это значило-бы не только отпугнуть отъ Россіи промышленный капиталъ, но и нанести тяжелый ударъ ея государственному кредиту, потому что кто-же станетъ давать деньги странѣ, естественныя богатства которой обречены неопредѣленно-долгое время лежать втунѣ. Кромѣ того невозможность здороваго промышленнаго развитія обрекаетъ страну на экономическую зависимость отъ ея болѣе культурныхъ сосѣдей, дѣлаетъ ея расчетный балансъ пассивнымъ, и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ ставитъ страну предъ фатальной необходимостью производить безконечный рядъ займовъ для того, чтобы платить проценты по своему долгу и сводить концы съ концами: однимъ словомъ — знаменуетъ собою несомнѣнный крахъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Всего этого достигло министерство финансовъ въ послѣднее предъ войной десятилѣтіе, не желая этого, до послѣдняго момента не сознавая, куда оно ведетъ страну своей политикой, и, кажется, не понявъ созданнаго имъ положенія вещей и тогда, когда оно уже ни для кого не составляло секрета. Къ сожалѣнію, истинные распорядители русскихъ финансовъ того времени, имѣвшіе свои *sièges osioux* за границей, превосходно учили положеніе и въ свое время заставили Россію заплатить имъ за ихъ прозорливость... Впрочемъ, мы забѣгаемъ въ то, что составить предметъ послѣдней главы.

Южная промышленность *) выросла главнымъ образомъ на иностранные капиталы, строили ее иностранные инженеры и по иностраннымъ образцамъ. Изъ 18—20 доменныхъ заводовъ русскими можно назвать лишь Сулиновскій и два завода Брянскаго Общества, остальные—иностранные. И не заводы только строились иностранцами и по заграничнымъ образцамъ: были случаи, когда заводы прямо покупались за границей и цѣликомъ, со всѣмъ ихъ устройствомъ, перевозились въ Россію (напр. трубопрокатный заводъ Никополь-Мариупольскаго общества).

При составленіи этого обзора мы, между прочимъ, пользовались превосходной статьей К. А. Пожиткова въ Нар. Хоз. 1905 г. кн. 3.

Характерна была и самая система созданія дѣла: предприниматели обыкновенно сперва обезпечивали себя заказомъ (чаще всего отъ казны) на нѣсколько лѣтъ, и затѣмъ приступали къ выпуску акцій и къ постройкѣ завода. Но получить заказъ для несуществующаго еще завода могъ далеко не всякій, а только тотъ, кто зналъ пути въ темныхъ корридорахъ министерства финансовъ и былъ угоденъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ этого учрежденія, а потому русская металлургическая промышленность въ этотъ періодъ находилась въ сущности въ рукахъ кучки дѣльцовъ и комиссіонеровъ высшаго разбора, снимавшихъ пѣнки со всѣхъ новыхъ дѣлъ. Насколько крупныя суммы приходилось тратить на «организационные расходы» видно хотя-бы изъ слѣдующихъ примѣровъ: основной капиталъ одной компаніи былъ опредѣленъ въ 5.000.000 фр., и сверхъ этого были выпущены 50.000 дивидендныхъ акцій. Изъ всего этого капитала дѣйствительные акціонеры получили обыкновенныхъ акцій на 1.000.000 фр., а 4.000.000 фр. обыкновенными акціями и всѣ 50.000 дивидендныхъ акцій ушли г. г. посредникамъ. Въ другомъ случаѣ при акціонерномъ капиталѣ въ 8¹/₂ милл. фр. посредники получили 7.000.000 фр. акціями, 2.000.000 фр. облигаціями и 1.000.000 фр. наличными деньгами. Естественно было, что такія суммы платились за услуги болѣе

цѣнныхъ, чѣмъ составленіе нехитраго бельгійскаго или французскаго акціонернаго устава. Какъ извѣстно, неоднократно были случаи, когда прибыль отъ выполненія одного казеннаго заказа не только цѣликомъ окупала всѣ затраты на сооруженіе завода, но и оставляла еще значительныя суммы въ чистую пользу предпріятія.

Насколько высоки были въ это время доходы заводовъ, можно видѣть хотя-бы изъ простаго сопоставленія цѣнъ: чугуна, который въ періодъ 95—99 гг. не могъ стоить заводамъ болѣе 45 к. за пудъ, продавался въ Петербургѣ по цѣнамъ 90—98 к., въ Одессѣ около 80 к., а на самыхъ заводахъ отъ 65 до 75 к. за пудъ, т. е. давалъ приблизительно 40—50% чистаго барыша. Къ этой-же нормѣ приближались и барыши на производствѣ рельсовъ, на которое распредѣленіе заказовъ для всѣхъ желѣзныхъ дорогъ было сосредоточено въ министерствѣ финансовъ.

Естественно, что такіе барыши не могли не привлекать капиталовъ: въ 1895 г. было открыто 7 металлургическихъ заводовъ, въ 1898—12, въ 1900—16, въ 1902 г. — 20, а такъ какъ основывались заводы не для работы на открытый рынокъ, а прежде всего для выполненія уже полученныхъ отъ казны заказовъ по фантастическимъ цѣнамъ или въ твердомъ расчетѣ на такіе заказы, во главѣ-же

дѣла стояли чаще всего петербургскіе коммиссіонеры высшаго полета, то постройка заводовъ велась не только расточительно, но и въ высшей степени безобразно въ техническомъ отношеніи, такъ что часто оказывалось необходимымъ перестраивать заводы почти немедленно по ихъ возникновеніи. Менѣе всего объ этомъ заботились основатели предпріятій: русская казна должна была оплатить всѣ ихъ промахи и заплатить за ихъ изученіе Россіи. И эта терпѣливая казна, которая честно оплачивала всѣ другіе очень дорогіе эксперименты своего полного энергіи финансоваго вѣдомства, платила и за эти дискредитировавшіе ее на всѣхъ заграничныхъ рынкахъ опыты...

Мы видѣли уже въ первой главѣ, какъ, начиная съ 1899 г., готовность иностранныхъ денежныхъ рынковъ смѣняется небывалой до тѣхъ поръ сдержанностью, и если намъ еще и удастся заключать займы, то только цѣною большихъ униженій и на совершенно ничтожныя суммы. Правда, это пока еще не мѣшаетъ министерству финансовъ продолжать раздавать заводамъ выгодные казенные заказы, но вся бѣда была въ томъ, что этого было безусловно недостаточно. Толчокъ, данный промышленности, былъ слишкомъ силенъ, а министерство финансовъ, не желая сознаваться въ своей ошибкѣ, ничѣмъ не обнаруживало

близости переменъ своей политики. Заводы росли съ всѣхъ сторонъ какъ грибы, и, оставаясь безъ казенныхъ заказовъ, кидались на открытый рынокъ и жестоко понижали существующія на немъ цѣны, дѣлая невозможнымъ дальнѣйшее существованіе и для тѣхъ предприятий, которыя были основаны въ надеждѣ на высокія цѣны — расчетъ, который встрѣчамъ какъ-бы поддержку въ дѣйствіяхъ министерства финансовъ.

Съ 1900 г. начинается ликвидація промышленныхъ увлеченій министерства финансовъ. Мы показали уже въ предыдущей статьѣ Государственномъ Банкѣ), какъ все тоже стремленіе во что-бы что ни стало не признаваться въ своихъ ошибкахъ привело къ тому, что министерство финансовъ затратило колоссальныя суммы (въ всякомъ случаѣ не менѣе 50—55 милл. р.), и въ результатѣ добилось только того, что кризисъ получилъ затяжной характеръ и отъ результатовъ его стали страдать и тѣ предприятия, которыя собственными силами пережили тяжелый періодъ 1899—1901 гг.

Въ сложной жизни современнаго государства нельзя раззорить обширной отрасли промышленности безъ того, чтобы отъ этого раззоренія не пострадалъ еще кто-нибудь. Мы не возьмемъ здѣсь на себя тяжелой и неблагодарной задачи подсчитывать всѣ жертвы

политики министерства финансовъ за послѣднее предъ войной десятилѣтіе—нашъ синодикъ вышелъ-бы слишкомъ длиннымъ, и всетаки неполнымъ,—но есть одна жертва, о которой мы не можемъ не сказать хоть нѣсколькихъ словъ, эта жертва—желѣзодѣлательная промышленность на Уралѣ.

Въ 1901 г., въ совѣщаніи подъ председательствомъ В. И. Ковалевскаго, уральскіе заводчики заявили, что они никакого перепроизводства не замѣчаютъ. Два года спустя желѣзодѣлательная промышленность на Уралѣ считала себя на порогѣ раззоренія. Вотъ печальная исторія этого событія: „сокращеніе казенныхъ заказовъ (говоритъ Л. М. Гольдмерштейнъ въ своемъ докладѣ обществу для содѣйствія русской промышленности и торговлѣ—труды общества, ч. XXVIII, 1906 г. III отд., стр. 53) и кризисъ на Югѣ въ то время какъ Уралѣ прекрасно работалъ, естественно натолкнули южныхъ заводчиковъ на мысль, что разъ имъ пришлось лишиться казенныхъ заказовъ, то только и остается, что перейти на народный рынокъ. Мнѣ незачѣмъ, конечно, напоминать, что до кризиса Югъ работалъ главнымъ образомъ рельсы и скрѣпленія, а также крупносортное желѣзо, а Уралъ—мелкосортное и листовое, такъ что Югъ не мѣшалъ Уралѣ, а Уралъ и подавно Югу. Затѣявъ свой переходъ на работу для

народнаго рынка, Югъ началъ съ мелкосортнаго желѣза, производство котораго, по чисто техническимъ причинамъ, легче было установить на приспособленныхъ къ прокаткѣ рельсъ и балокъ металлургическихъ заводахъ. До этого времени, однако, спросъ на мелкосортное желѣзо сполна удовлетворялся уральскими заводами, а потому. когда на рынокъ выступили заводы южные, несравненно болѣе грандіозные по размѣрамъ и, какъ болѣе новые, далеко лучше оборудованные въ техническомъ отношеніи, предложеніе мелкосортнаго желѣза сразу далеко превысило вообще довольно ограниченный спросъ на него, появилось перепроизводство, и цѣны быстро и рѣзко упали, перейдя даже предѣлы себѣ стоимости фабриканта. Тогда русскіе заводы сдѣлали слѣдующій шагъ, и приступили къ производству листового желѣза. И здѣсь произошло тоже что съ мелкосортнымъ желѣзомъ, и уже въ 1902 г. заводы принуждены были искать спасенія въ учрежденіи «Продамета» т. е. въ искусственномъ сокращеніи производства, возможность чего обусловливалась, конечно, только возобновленіемъ съ 1902 г. казенныхъ и желѣзнодорожныхъ заказовъ.

До годовъ кризиса Югъ не мѣшалъ Уралу, Ураль Югу, но когда Югъ сталъ дѣлать тѣ же сорта желѣза, что и Ураль, послѣдній, конечно, не въ состояніи былъ выдержать

конкуренцію своего, поставленнаго въ несравненно лучшія условія, противника, и въ результатъ уже въ 1903 г. тѣ самые уральскіе заводчики, которые еще такъ недавно отрицали самое существованіе перепроизводства, объединились въ синдикатъ для нормировки выработки металла и регулированія цѣнъ».

Такъ неумѣлая финансовая политика губитъ даже тѣ отрасли промышленности, которыхъ она не касается.

Наше финансовое порабощеніе.

Нигдѣ такъ на цѣнять успѣхъ, какъ въ высшемъ финансовомъ мірѣ, и въ тоже время нигдѣ такъ быстро не мѣняются свое мнѣніе о человѣкѣ вообще и государственномъ дѣятелѣ въ особенности, какъ въ этомъ тѣсномъ кругѣ людей, обо всемъ освѣдомленныхъ и привыкшихъ видѣть, какъ вчерашній кумиръ, державшій въ своихъ рукахъ судьбы цѣлыхъ странъ, сегодня становится безвластнымъ, иногда навсегда конченнымъ человѣкомъ, съ которымъ можно перестать считаться, хотя только вчера ему низко кланялись.

Въ этомъ своеобразномъ мірѣ первые шаги С. Ю. Витте были встрѣчены въ высшей степени благосклонно, потому что началъ онъ съ очень удачнаго хода. Оставшаяся въ биржевыхъ легендахъ его побѣда надъ парижскими спекулянтами, желавшими сыграть на пониженіе русскаго рубля по случаю смерти Императора Александра III, была успѣхомъ, пониманіе котораго было вполне доступно

высшему финансовому міру, и была имъ оцѣнена. Хорошее впечатлѣніе производила личность министра финансовъ, отсутствіе внѣшней помпы, его доступность, готовность выслушивать возраженія и даже свойственная ему дѣловая грубость, въ которой, однако, не чувствовалось желаніе оскорбить. Наконецъ, хорошо вліяло и то, что министръ съ первыхъ же дней по вступленіи его въ исполненіе своихъ обязанностей не жалѣлъ затратить на приобрѣтеніе благосклонности прессы. Само собою разумѣется, что банкиръ не могъ слѣдовать мнѣнію газеты, потому что онъ совершенно точно зналъ, сколько должно было быть заплачено за ту или другую статью, но въ высшихъ банковыхъ сферахъ оцѣнили умѣнье новой финансовой администраціи организовать свою *publicité*—а надо отдать справедливость С. Ю. Витте—эта отрасль оставалась превосходно организованной во все время пребыванія его на посту министра финансовъ, и пришла въ полное разстройство только послѣ его ухода.

Всего болѣе, однако, привлекала въ новомъ тогда министрѣ финансовъ его, повидимому, твердая рѣшимость произвести широкія реформы во всѣхъ отрасляхъ финансоваго управленія. Положеніе для реформъ было въ то время исключительно благопріятное. Глубокій миръ царствовалъ во всей Европѣ. Россія,

незадолго предъ тѣмъ закончившая свое сближеніе съ Франціей, заняла выдающуюся роль вершителя судебъ европейской политики. Внутри страны потрясавшее ее 12—15 лѣтъ тому назадъ революціонное движеніе было окончательно подавлено, и правительство было полновластно въ странѣ. Въ области финансовъ усиліями Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградскаго было нѣсколько упорядочено податное дѣло, уничтожены дефициты по государственнымъ бюджетамъ, и накопленъ громадный золотой фондъ; русскій кредитъ за границей стоялъ сравнительно очень высоко. Однимъ словомъ, это былъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, которые рѣдко (правильнѣе—никогда) повторяются въ исторіи народовъ, когда не только необходимость реформъ назрѣла, но уже готовы и средства для ихъ проведенія. И если тотъ счастливецъ, которому приходится приложить къ нимъ свою руку, обладаетъ простымъ пониманіемъ положенія и достаточными техническими познаніями, то событія сами собою выносятъ его на своемъ гребнѣ на высоту славы и передаютъ его имя исторіи, какъ имя великаго реформатора и благодѣтеля родной страны.

Въ такомъ положеніи былъ С. Ю. Витте, и за границей, гдѣ положеніе вещей понимали далеко яснѣе чѣмъ въ Россіи, отъ него ожидали очень многого. Тамъ не скрывали отъ

себя, что реформы въ Россіи невозможны безъ очень крупныхъ заемныхъ операцій на иностранныхъ рынкахъ, но въ тоже время тамъ видѣли, что правильно проведенныя реформы сильно поднимутъ платежеспособность страны, и, слѣдовательно, всѣ тѣ, кто, въ особенности въ первый періодъ реформъ, примутъ участіе въ связанныхъ съ ними кредитныхъ операціяхъ, не могутъ не заработать. Это была золотая пора престижа нашего министра финансовъ, когда международная *Haute Banque* заявляла, что она готова предоставить Россіи на проведение ея финансовыхъ реформъ 15 милліардовъ франковъ въ пятилѣтній срокъ. Это отношеніе къ министерству С. Ю. Витте сказалося, напр., въ выдающемся успѣхѣ заключеннаго черезъ бр. Ротшильдъ займа въ 1896 г., и можно съ нѣкоторымъ правомъ сказать, что въ предѣлахъ *Haute Banque* С. Ю. Витте былъ въ это время одной изъ самыхъ популярныхъ и вліятельныхъ фигуръ.

Но по мѣрѣ того, какъ время шло, отношеніе начало понемногу мѣняться. Глубоко опытные въ валютныхъ вопросахъ, банкиры не могли не видѣть, какое широкое поле для игры противъ русскаго рубля откроетъ имъ со временемъ реформа денежнаго обращенія въ томъ видѣ, какъ она проводилась въ Россіи.

Участвуя въ покупкѣ серебра для русскаго

правительства и получая за это свои коммисіи, они не могли не видѣть, что по существу вся эта операція является ничѣмъ не оправдываемымъ расточеніемъ народныхъ средствъ, или, что еще болѣе ихъ поражало, денегъ, взятыхъ у нихъ-же на далеко не легкихъ условіяхъ. Наконецъ, чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе слуховъ проникало за границу о томъ, что развитіе отечественной промышленности приняло въ сущности въ Россіи характеръ раздачи лицамъ, умѣющимъ найти ходы въ министерствѣ финансовъ, заказовъ по фантастически-высокимъ цѣнамъ, съ оплатою этихъ заказовъ все изъ тѣхъ-же казенныхъ средствъ.

Выяснялось за границей и то, что постройка новыхъ желѣзнодорожныхъ линій сопряжена съ колоссальными хищеніями и безконтрольной расточительностью, и заинтересованные въ русскихъ дѣлахъ банкиры неоднократно созывали нѣчто вродѣ неофициальныхъ съѣздовъ для уясненія себѣ характера русскаго желѣзнодорожнаго строительства, причемъ на одномъ изъ этихъ съѣздовъ (въ Парижѣ) неофициально присутствовалъ даже бывший тогда директоромъ департамента желѣзнодорожныхъ дѣлъ министерства финансовъ В. В. Максимовъ. Общее впечатлѣніе отъ всѣхъ этихъ слуховъ и фактовъ оставалось за границей такое, что русскій министръ финансовъ не въ состояніи справиться съ принятыми

имъ на себя сложными обязанностями по переустройству русской финансовой системы. Результатомъ этого было нежеланіе давать деньги Россіи или стремленіе, когда эти деньги давались, возможно осторожнѣе и тверже охранить свои права отъ неожиданныхъ мѣропріятій министра финансовъ, могущихъ повліять на курсъ бумагъ; какъ напрімѣръ можно указать на требованіе банкировъ не выпускать втеченіе извѣстнаго времени новыхъ займовъ.

Въ то же время банкирамъ приходилось считаться съ тѣмъ весьма важнымъ обстоятельствомъ, что извѣстное и понятное въ Парижѣ оставалось почти неизвѣстнымъ въ Петербургѣ, и что С. Ю. Витте былъ въ это время въ Невской столицѣ несомнѣнно однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей. Всѣ выгоды были по этому за то, чтобы отнюдь не расшатывать этого вліянія, а, наоборотъ *сколько возможно его укрѣпить, но использовать*. На возможность-же сдѣлать это незамѣтно для самого С. Ю. Витте указывала выяснившаяся уже способность его не вникать въ детали мѣропріятій, а ограничиваться только самыми общими чертами. Выполненіе этого плана дѣлаетъ честь уму его автора—въ Парижѣ таковымъ называютъ одного, нынѣ покойнаго, петербургскаго банкаго дѣятеля, въ то же время бывшаго здѣсь неофициаль-

нымъ представителемъ одной изъ самыхъ вліятельныхъ парижскихъ фирмъ.

Задача состояла въ томъ, чтобы пріобрѣсти возможность въ нѣкоторомъ родѣ держать въ рукахъ министра финансовъ угрозою репрессій по отношенію къ русскому кредиту и русской валютѣ въ тотъ моментъ, когда эти основы финансоваго управленія окажутся въ опасности, а что такой моментъ близокъ, опытные банкиры, успѣвшіе достаточно изучить систему управленія нашими финансами въ періодъ 1893—1898 г. г., не сомнѣвались.

Въ видѣ пробнаго шара къ установленію такой «тѣсной связи» между русскими и европейскими банкирами явилось предложеніе С.-Петербургскаго Международнаго Банка ввести при Государственномъ Банкѣ невинную на видъ операцію репорта. Невинными представлялись и ея мотивы. Дѣло было, по объясненію С.-Петербургскаго Международнаго Банка, въ томъ, что русская золотая валюта установилась еще такъ недавно, что русскіе банки, кредитуясь за границей, вынуждены страховать валюту (т. е. страховать себя на случай прекращенія размѣна), а это значительно удорожаетъ для нихъ кредитъ. Вводя-же репортную операцію, Банкъ какъ-бы принимаетъ на себя страхованіе валюты. Состоять эта операція должна была въ слѣдующемъ: когда русскій банкъ заключаетъ

заемъ у заграничнаго, то послѣдній вносить свое золото въ Государственный Банкъ, а Государственный выдаетъ русскому частному соответствующую сумму въ кредитныхъ билетахъ. Когда-же наступаетъ срокъ платежа, русскій частный банкъ возвращаетъ Государственному кредитныя билеты, а Государственный Банкъ заграничному — его золото.

Министръ Финансовъ, не придавшій этому проекту существеннаго значенія, передалъ его на разсмотрѣнiе Совѣта Государственнаго Банка, который, въ высшей степени тщательно разсмотрѣвъ проектъ, въ мартѣ 1899 г. *единогласно* высказался противъ него, по мотивамъ, изъ которыхъ нѣкоторые заслуживаютъ глубокаго вниманія. Главные изъ этихъ мотивовъ слѣдующіе: 1) репортная операція не только не будетъ способствовать приливу золота въ Россію, но можетъ даже ослабить этотъ приливъ, такъ какъ при существовавшемъ соотношеніи курсовъ, по которымъ Государственный Банкъ покупалъ золото въ слиткахъ и монетѣ, съ одной стороны, и заграничныя тратты съ другой,—для иностранныхъ банкировъ, желавшихъ помѣстить въ Россію свои капиталы, или произвести слѣдуемые ей платежи, представлялось иногда выгоднымъ отправлять къ намъ золото натурой, между тѣмъ какъ при введеніи репортной операціи такія отправки уже не могли-бы имѣть мѣста; 2)

операция эта привела-бы къ увеличенію золотой наличности Банка заграницей, что вовсе нежелательно, такъ какъ и въ то время (т. е. 1899 г.) эта наличность была уже весьма значительна, въ случаѣ-же увеличенія ея могли встрѣтиться затрудненія въ помѣщеніи ея у иностранныхъ банкировъ. Въ прекрасно мотивированномъ особомъ мнѣніи членъ Совѣта Банка проф. И. И. Кауфманъ указывалъ еще на сложность юридическихъ отношеній, въ которыя попалъ-бы Банкъ съ введеніемъ этой операціи и на тѣ серьезныя послѣдствія, которыя эта неясность его юридическаго положенія можетъ для него имѣть, причемъ обращалъ особое вниманіе на то, что Банку придется имѣть дѣло не съ обыкновенными истцами, а съ сильнѣйшими и опытнѣйшимъ банкирскими фирмами Западной Европы, умѣющими какъ никто отстаивать свои интересы.

Въ концѣ концовъ, какъ мы сказали, Совѣтъ единогласно высказался противъ допущенія репортныхъ сдѣлокъ въ Государственномъ Банкѣ, и С. Ю. Витте это постановленіе Совѣта Банка утвердилъ.

Во второй половинѣ года начинается, однако, у насъ промышленный кризисъ, и заключать займы становится рѣшительно невозможнымъ, и потому министру финансовъ, у котораго главный нервъ политики—заграничный кредитъ, очень и очень приходится

считаться avec les bonnes grâces фактических хозяев золотых рынковъ. Къ тому же происшедшее въ это время нѣкоторое охлажденіе между министерствомъ финансовъ и заграничнымъ финансовымъ міромъ лишило министра финансовъ и той доли освѣдомленности о происходящемъ по ту сторону Вержболова, которую онъ имѣлъ прежде, и заставляло его нарываться иногда на крайне непріятные аффронты, отнюдь не возвышавшіе его престижа заграницей. Какъ на примѣръ, можно указать на случай съ Германскимъ Имперскимъ Банкомъ. Въ Сентябрѣ 1899 года С. Ю. Витте (Дѣло кред. канц. 1899 г. отд. II, ст. I. № 56) предложилъ Германскому Имперскому Банку ссуду изъ Государственного Банка въ 250 милліоновъ марокъ на 6 мѣсяцевъ изъ 4⁰/₀ годовыхъ, мотивируя такое предложеніе стремленіемъ помочь Германскому Банку показать свой дисконтъ, чѣмъ могъ бы воспользоваться затѣмъ и нашъ Государственный Банкъ. 23 Октября 1899 г. президентъ Германскаго Имперскаго Банка отвѣтилъ, что, глубоко цѣня предложеніе русскаго правительства, Германскій Имперскій Банкъ не въ состояніи принять его и вынужденъ предпочесть, чтобы нормальное состояніе германскаго денежнаго рынка возстановилось само собою, одними собственными силами. Такого случая не могло бы быть, если бы министръ финансовъ не жилъ

въ Петербургѣ, какъ на необитаемомъ островѣ, и имѣлъ возможность, прежде чѣмъ сдѣлать предложеніе официально, частнымъ образомъ выяснить, какъ къ этому предложенію отнесутся. Слишкомъ ненормально для министра финансовъ великой державы предложить (не просить, а предложить!) деньги и, вмѣсто изъясненій глубокой благодарности, получить отказъ и маленький урокъ по политической экономіи...

Съ 1900 г. начинается новый періодъ въ сношеніяхъ министра финансовъ съ заграничными банкирами, когда они получаютъ все, чего они прежде долго и безуспѣшно добивались. Въ числѣ такихъ уступокъ, мелкихъ, но характерныхъ какъ показатель того, кто теперь былъ господиномъ положенія, можно назвать хотя бы принятую на себя русскимъ правительствомъ обязанность (въ 1901 г.) платить по 10 сантимовъ за каждый обмѣненный купонный листъ сверхъ обычнаго комиссіоннаго вознагражденія за оплату купоновъ и вышедшихъ въ тиражъ облигацій, въ чемъ прежде правительство неоднократно банкирамъ отказывало.

Несравненно важнѣе этой уступки была, однако, другая уступка министра финансовъ — введеніе въ 1900 г. репортной операціи Государственнымъ Банкомъ по простому распоряженію министра финансовъ, безъ новаго

разсмотрѣнія вопроса въ Совѣтъ Банка, въ первое разсмотрѣніе высказавшагося единогласно противъ этой операціи. На 1 Января 1901 г. балансъ по репорту былъ 40,6 милл. р., на 1 Января 1902 г.—60,6 милл. р., на 1 Января 1903 г.—76,3 милл. р., на 1 Января 1904 г.—218,1 милл. р. (спекуляція на валюту по случаю политическихъ осложненій на Дальнемъ Востокѣ), на 1 Января 1905 г.—146,8 милл. р., на 1 Января 1906 г.—129,4 милл. р. (сокращеніе кредитовъ по случаю опасеній за прочность валюты).

Какой-же смыслъ имѣла для заграничныхъ банкировъ эта репортная операція?

Прежде всего она была чрезвычайно удобна въ томъ отношеніи, что препятствовала сильному отливу золота съ европейскихъ рынковъ въ Россію. Получая сравнительно высокій процентъ по своимъ активнымъ операціямъ въ Россіи, русскіе частные банки могли и заграницей платить сравнительно дорого, а потому, если бы въ Россіи началось серьезное и твердое оживленіе торговли и промышленности, они были бы въ состояніи извлечь изъ мѣстнаго оборота и перевести въ Россію очень крупныя суммы, т. е. въ сущности сдѣлать то же самое, что такъ недавно сдѣлала находящаяся въ аналогичномъ положеніи Америка, и что она опять начинаетъ дѣлать какъ разъ теперь на французскомъ рынкѣ. Но отливъ

золота повышаетъ его цѣну на мѣстномъ рынкѣ; банкиру же, съ его весьма краткосрочнымъ активнымъ портфелемъ, выгодно работать при возможно низкихъ учетныхъ ставкахъ. Въ Америкѣ нѣтъ ни такого учрежденія, какъ нашъ Государственный Банкъ, ни такого министра финансовъ, какъ С. Ю. Витте, а потому туда приходится посылать золото, и изъ-за этого даже подымать дисконтъ на мѣстномъ рынкѣ; что же касается Россіи, то тутъ выходъ дать придуманная банкирами спеціально на утѣшеніе нашего отечества репортная операція. Благодаря ей, золото не передается фактически банкирамъ-заемщикамъ, а сдается Государственному Банку по репорту и, благодаря этому, въ значительнѣйшей своей части должно остаться за границей, и притомъ— а это всего важнѣе—тѣмъ большая часть золота останется за границей, чѣмъ болѣе крупное развитіе получить операція репорта.

И дѣйствительно, вводя эту операцію, Государственный Банкъ становится въ сущности кассиромъ по приему и выдачѣ золота для всѣхъ русскихъ частныхъ банковъ по ихъ кредитнымъ операціямъ на заграничныхъ рынкахъ. До тѣхъ поръ, пока эти операціи незначительны (напр., не превосходятъ 40—50 милл. р.), Государственный Банкъ можетъ производить платежи изъ суммъ, нормально (т. е. независимо отъ этой операціи) имѣю-

щихся въ его распоряженіи заграницей, но когда операція переходитъ за сотню милліоновъ рублей, а иногда и далеко за двѣ сотни (операція достигала 257,8 милл. р.), Банкъ вынужденъ держать заграницей чрезвычайно крупныя суммы золота, тѣмъ болѣе крупныя, что репортная операція чрезвычайно подвижна, и движеніе суммъ по ней въ 20—30 милл. р. въ мѣсяцъ не можетъ считаться ненормальнымъ. Такимъ образомъ, благодаря этой операціи, заграничный рынокъ получаетъ возможность не разставаться со своимъ золотомъ, но фактически заставить Государственный Банкъ держать значительную его часть заграницей, т. е. въ сущности къ услугамъ не русскаго, а заграничнаго рынка. Въ то самое время, когда Россія вела ожесточенную борьбу за желтый металлъ, не останавливаясь для этого даже предъ раззореніемъ основного промысла народнаго хозяйства—земледѣлія, золото это было въ дѣйствительности предоставлено въ распоряженіе не всегда искренно дружественныхъ намъ заграничныхъ рынковъ. Такова была первая выгода—конечно, не для насъ—введенія Государственнымъ Банкомъ репортной операціи.

Была еще одна важная сторона репортной операціи—возможность особой наживы все за счетъ того же многострадальнаго нашего Государственнаго Банка. Какъ мы показали

выше, Государственный Банкъ вынужденъ былъ держать значительную часть полученнаго имъ по репорту золота заграницей. Дальнѣйшее станетъ яснѣе, если мы возьмемъ какой-нибудь цифровой примѣръ. На 1 Декабря 1905 г. балансъ по репорту равнялся 153,7 милл. р., а золота заграницей было 213,9 милл. р. Предположимъ, что изъ этихъ суммъ только 75 милл. р. держались для удовлетворенія требованій по репортной операціи,—цифра, скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительной. Заграничные банкиры ссудили, слѣдовательно, русскимъ 153,7 милл. р., за которые получали съ нихъ—скажемъ для простоты—5% годовыхъ. Но у Государственнаго Банка нѣтъ своихъ кассъ заграницей, и потому принадлежащее ему тамъ золото онъ вынужденъ держать у своихъ корреспондентовъ, т. е. въ сущности тѣхъ же банкировъ, которые кредитуютъ русскіе банки. Значить, давая русскимъ банкамъ 153,7 милл. р. изъ 5%, заграничные банки оставляютъ у себя въ дѣйствительности не менѣе 75 милл. р., которые числятся на текущемъ счетѣ Государственнаго Банка и за которые онъ получаетъ около 1% годовыхъ. Выгода, между прочимъ, получается еще и отъ того, что банкиры получаютъ свои 5% со дня заключенія займа русскими банками до дня его погашенія, тогда какъ проценты на текущій

счетъ Государственнаго Банка начисляются съ разными вычетами согласно правиламъ о *préavis*, отличающимся у нѣкоторыхъ банкировъ (напр., Ротшильдовъ) крайнею сложностью и невыгодностью для кліентовъ банка. Сводится вся эта операція къ слѣдующему простому расчету: за 150 милл. р. заграничные банки получаютъ отъ русскихъ (изъ 5% годовыхъ) 7½ милл. р., а за 75 милл. р. платятъ русскому Государственному Банку (изъ 1% годовыхъ) 0,75 милл. р. Но такъ какъ фактически въ распоряженіе русскаго рынка поступаетъ только 75 милл. р. (150—75), и фактически же русскій рынокъ платитъ за нихъ 6¾ милл. р. (7,5—0,75), то фактически, благодаря любезному содѣйствію Государственнаго Банка, заграничные банкиры получаютъ за свой капиталъ отъ русскаго рынка 9%. Нечего, конечно, говорить, что за возможность помѣщать подъ первоклассныя обезпеченія десятки милліоновъ рублей изъ такого процента стоитъ поработать, и даже, въ случаѣ надобности, повести «маленькую политику».

Было, однако, еще одно соображеніе и, быть можетъ, самое цѣнное для заграничной *Haute Finance* въ пользу введенія репортныхъ сдѣлокъ—эта мѣра давала въ ихъ руки могучее оружіе противъ русской золотой валюты, а, слѣдовательно, и противъ русской финан-

совой администраціи. Въ сложный и опасный для русскаго кредита моментъ заграничныя банки вдругъ закрываютъ кредиты русскимъ банкамъ. Какія это можетъ имѣть послѣдствія? Формально для русской валюты никакихъ. Русскіе банки возвратятъ Государственному Банку его кредитные билеты, а Государственный Банкъ возвратитъ золото заграничнымъ банкамъ, и сдѣлки будутъ ликвидированы, причемъ количество кредитныхъ билетовъ уменьшится настолько же, насколько уменьшится золотой фондъ Банка. Но такъ произойдетъ только формально, а не въ дѣйствительности. Въ дѣйствительности же министръ финансовъ не можетъ потребовать отъ частныхъ банковъ сокращенія ихъ пассива на 100—150 милл. р., не вызвавъ этимъ жестокаго потрясенія всей торговой системы страны, и въ особенности не можетъ этого сдѣлать въ тревожный или почему-либо опасный моментъ. Кредиты частныхъ банковъ Государственному придется, слѣдовательно, оставить, а золото заграничнымъ банкамъ возвратитъ, и такимъ образомъ, по волѣ иностранной Haute Finance, ослабитъ золотое обезпеченіе кредитныхъ билетовъ на сотню милліоновъ рублей, что, при техническомъ несовершенствѣ нашей денежной системы, можетъ привести насъ къ открытому нарушенію закона 29 Августа 1897 г., а

отъ этого одинъ шагъ и до полного крушенія нашей золотой валюты.

Такимъ образомъ, былъ сдѣланъ первый шагъ къ закрѣпощенію русскаго кредита группою иностранныхъ банкировъ. Когда былъ сдѣланъ въ этомъ направленіи второй шагъ и министерство финансовъ приняло на себя болѣе или менѣе опредѣленные обязательства по отношенію къ той или иной банковской группѣ—сказать трудно, потому что такія вещи подготавливаются обыкновенно чрезвычайно осторожно и становятся замѣтными чаще всего только въ тотъ моментъ, когда съ ними приходится считаться какъ съ уже совершившимся фактомъ.

Нельзя, кромѣ того, не отмѣтить и того важнаго факта, что въ рукахъ автора не имѣется въ доказательство того, что онъ сейчасъ изложитъ, такихъ же безусловно твердыхъ доказательствъ, какъ для всего того, что изложено выше. Правда, въ своемъ изложеніи авторъ руководится рядомъ извѣстныхъ ему фактовъ и заявленій несомнѣнныхъ (для него) знатоковъ денежнаго рынка и его секретовъ. Правда, въ распоряженіи автора есть рядъ фактовъ, косвенно подтверждающихъ справедливость составившагося у него убѣжденія, но... при всемъ этомъ авторъ можетъ смотрѣть на дальнѣйшее свое указаніе лишь какъ на передачу нѣкоего *on dit*, не при-

глашая никого вѣрить ему на слово, и надѣясь только, что откровенное и ясное признаніе существованія такого мнѣнія въ кругахъ, которые приходится считать освѣдомленными, поможетъ одному изъ двухъ: либо это мнѣніе, изложенное въ дальнѣйшемъ авторомъ, будетъ опровергнуто, и никто, быть можетъ, не будетъ такъ радоваться этому, какъ именно авторъ, считающій нашу свободу кредитныхъ операций за границей однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ будущаго экономическаго переустройства Россіи. Либо это мнѣніе будетъ проверено и признано въ той или иной степени соответствующимъ дѣйствительности, и въ такомъ случаѣ будутъ приняты мѣры къ освобожденію русскаго кредита отъ зависимости, вреднѣе которой трудно себѣ что-нибудь и представить.

Только послѣ такого предварительнаго замѣчанія считаетъ себя авторъ вправѣ перейти къ изложенію существующаго положенія вещей такъ, какъ оно ему представляется по разновременно и изъ разныхъ источниковъ собраннымъ имъ свѣдѣніямъ.

Съ 1901 г. Россіи деньги давать соглашались только въ умѣренномъ размѣрѣ, и иногда требовали даже отъ нея обязательствъ втеченіе извѣстнаго, и притомъ продолжительнаго, времени не заключать новыхъ займовъ. Между тѣмъ, на иностранныхъ рынкахъ превосходно

знали, съ какой готовностью взяло бы министерство финансовъ деньги, если бы оно могло ихъ получить. Подъ вліяніемъ этого начинается короткая, но въ высшей степени интересная и пока еще ждущая своего историка (авторъ надѣется дать со временемъ краткій обзоръ этого періода) эпопея «выгодныхъ» предложеній промышленнаго капитала для эксплуатаціи русскихъ концессій. Днѣпровскіе пороги, метрополитанъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, желѣзная дорога изъ Туркестана въ Сибирь и т. п. предложенія сыпались въ министерство, какъ изъ рога изобилія, причемъ отличительную особенность этихъ предложеній составляли ихъ безусловная серьезность въ томъ смыслѣ, что за границей дѣйствительно имѣлись деньги на осуществленіе концессіи, если бы она была дарована на просимыхъ, обыкновенно весьма тяжелыхъ для казны условіяхъ. Министерство финансовъ охотно разсматривало эти условія, и съ радостью дало бы просимыя концессіи, если бы этому не мѣшали пезависящія отъ него обстоятельства. Не входя здѣсь въ исторію всѣхъ концессій, мы можемъ для примѣра указать, что дѣло дарованія концессіи на метрополитанъ въ Петербургѣ и Москвѣ сорвалось главнымъ образомъ благодаря настойчивому противодѣйствию бывшаго тогда министромъ

внутреннихъ дѣлъ (и, прибавимъ, противникомъ С. Ю. Витте) В. К. фонъ-Плеве.

Во всякомъ случаѣ, всѣ эти просьбы о концессіяхъ встрѣчались вполнѣ благосклонно и часто обсуждались очень детально съ представителями иностранныхъ капиталистовъ, которые, благодаря этому, вынуждены были держать наготовѣ очень крупные капиталы и удерживать рынокъ отъ другихъ помѣщеній, между прочимъ и въ русскіе фонды. Иными словами, незамѣтно для себя самого министръ финансовъ конкурировалъ на міровомъ денежномъ рынкѣ съ самимъ собою.

Надо полагать, что это и заставило реализовавшихся наши займы банкировъ протестовать, и съ конца 1902 г. у министерства финансовъ замѣчается тенденція требовать отъ новыхъ концессионеровъ, чтобы они, реализуя акціи своими средствами, реализацію гарантированныхъ облигацій производили черезъ министерство финансовъ, т. е. черезъ его банкировъ. Это требованіе еще не ставилось пока вполнѣ опредѣленно, потому что ни одно предложеніе не вступило въ оправдывающую такое требованіе стадію обсуждения, но министерство финансовъ не скрывало своего желанія.

Повидимому, никакихъ нормальныхъ обязательствъ въ это время министерство финансовъ по отношенію къ иностраннымъ банкамъ на себя еще не приняло, но уже суще-

ствовала достаточно подготовленная почва для соглашения въ томъ смыслѣ, что преимущественное право на совершеніе всѣхъ кредитныхъ операцій Россіи за-границей предоставляется опредѣленной группѣ банкировъ, т. е. группѣ, имѣющей во главѣ Мендельсона и К^о въ Берлинѣ (представитель въ С.-Петербургѣ Артуръ Фишель), Ротшильдовъ и Ліонскій Кредитъ въ Парижѣ (представитель въ С.-Петербургѣ А. Ю. Ротштейнъ) и Липманъ, Розенталь и К^о въ Амстердамѣ.

Отставка министра финансовъ въ Августѣ 1903 г. надолго задержала дальнѣйшее развитіе этого соглашения, и о немъ почти ничего не слышно вплоть до Октября 1905 г., и только тогда въ Парижѣ начинаютъ вновь говорить о томъ, что право заключенія займовъ для Россіи предоставлено исключительно группѣ Ліонскаго Кредита.

Нельзя не указать, между прочимъ, на то, что въ краткій періодъ возвращенія къ власти С. Ю. Витте послѣ октябрьскихъ дней произошелъ возвратъ и къ концессионной лихорадкѣ былыхъ дней. Называвшій себя представителемъ Рокфеллера, Уэнделль Джексонъ ходатайствовалъ о дарованіи ему концессіи на сооруженіе Туркестано-Сибирской ж. д., съ предоставленіемъ въ его исключительное распоряженіе 50-верстной полосы вдоль всей линіи дороги (2.400 верстъ длины) и правитель-

ственной гарантіи на капиталъ; предложеніе это разсматривалось въ особо учрежденномъ комитетѣ, подъ предсѣдательствомъ С. Ю. Витте.

Другой американецъ, г. Норледжъ, также считавшійся въ Петербургѣ представителемъ Рокфеллера, хлопоталъ о концессіи на сооруженіе Черноморско-Балтійскаго канала,—и для этого предложенія была учреждена особая коммиссія при министерствѣ путей сообщенія, и т. д.—всѣхъ предложеній не перечислить.

Въ это же время всѣ предложенія займовъ настойчиво отклонялись почти безъ обсужденія условій, что только подтверждало и безъ того твердую въ Парижѣ и Берлинѣ увѣренность, что русское правительство обязалось известной всѣмъ банкирамъ группой не заключать займовъ помимо нея.

Таковы факты въ подобающей имъ осторожной передачѣ,—теперь да позволено будетъ въ нѣсколькихъ словахъ остановиться на ихъ внутреннемъ значеніи, предполагая всетаки дѣйствительность существованія соглашенія (если не между официальнымъ финансовымъ вѣдомствомъ и банкирами, то между послѣдними и лично тѣмъ или другимъ высокимъ лицомъ), устанавливающаго для одной какой-нибудь группы банковъ особые права на участіе въ русскихъ займахъ.

На первый взглядъ, въ такомъ соглашеніи

ничего ни особенно необычнаго, ни, тѣмъ болѣе, опаснаго нѣтъ. Вполнѣ естественно и безъ всякихъ соглашеній при новой кредитной операціи прежде всего обращаться къ тѣмъ банкамъ, которые уже много лѣтъ для насъ работали и, такъ сказать, специализировались на русскихъ бумагахъ. Но то, что естественно *par force de raison*, часто становится очень невыгоднымъ, когда оно дѣлается *par raison de force*, и этого особенно нельзя забывать въ вопросахъ международнаго кредита. Положеніе министра финансовъ, который предлагаетъ заемъ банкамъ, какъ выраженіе того, что онъ удовлетворенъ ихъ дѣятельностью въ прошломъ, рѣзко отлично отъ положенія того же министра финансовъ, который не имѣетъ права искать денегъ на міровомъ рынкѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не получить отказа отъ группы банкировъ-монополистовъ по дѣламъ кредита его страны. И не нужно быть, конечно, глубокимъ финансистомъ, чтобы понять, что при такихъ условіяхъ министру финансовъ фактически закрыты всѣ пути, кромѣ обращенія къ банкирамъ-монополистамъ. Въ обыкновенное время онъ можетъ выбирать тотъ рынокъ, который ему угодно выбрать, и часто бываетъ, что новая группа, прежде никакихъ дѣлъ съ данной страной не имѣвшая, теперь готова помѣстить имѣющіеся у нея свободные капиталы въ бумаги данной страны. Въ такомъ

случаѣ, на рынкѣ часто образуются самостоятельныя и неожиданныя комбинаціи, позволяющія реализовать заемъ, не затрагивая тѣхъ группъ населенія, которыя обыкновенно покупаютъ займы данной страны, т. е. не истощая обычнаго рынка. Всякія такія комбинаціи, часто доступныя опытнымъ и свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ министрамъ финансовъ (ими, между прочимъ, широко воспользовались въ послѣдніе годы японцы) чрезвычайно благотворно вліяютъ на внѣшній кредитъ страны. Наоборотъ, давая тѣ или другія преимущественныя права одной какой-нибудь банкирской группѣ, министръ финансовъ собственными усиліями помогаетъ тому сплоченію иностранныхъ рынковъ противъ себя, съ которымъ онъ въ сущности долженъ всѣми силами бороться. Чѣмъ болѣе разъединенъ рынокъ, и чѣмъ болѣе въ немъ независимыхъ одна отъ другой группъ, тѣмъ легче добиться такого соглашенія двухъ или болѣе группъ съ одной стороны, и такой конкуренціи между рынками, которая дала бы министру финансовъ возможность реализовать нужный ему заемъ на наиболѣе для него выгодныхъ условіяхъ. Но какъ только одной какой-нибудь группѣ даются исключительныя права, отдѣльному банку (или банковому комбайну), разъ онъ хочетъ заняться займами данной страны, выгодноѣ примкнуть къ привилегированной

группѣ, потому что конкуренція съ нею врядъ-ли можетъ обѣщать особыя выгоды, если принять во вниманіе ея соединенныя силы и, что всего важнѣе, явную привиллегированность ея положенія у правительства дѣлающей заемъ страны. Кромѣ того, и члены получившей привиллегіи группы не могутъ выступать отдѣльно, и потому тамъ, гдѣ министръ финансовъ могъ бы свободно выбирать между нѣсколькими претендентами, онъ вынужденъ принимать условія, диктуемыя ему однимъ. Не принять этихъ условій онъ фактически тоже не можетъ, потому что въ мірѣ кредита нѣтъ бѣльшей ошибки, какъ сдѣлать своимъ врагомъ того, кому сперва официально поручили защищать свои интересы. Ціонъ или Парвусъ, какъ ни діаметрально противоположны исходныя точки ихъ борьбы противъ русскаго кредита, оба сходились въ томъ отношеніи, что для нихъ оставалось секретомъ все то, что хотѣлъ держать подъ секретомъ С. Ю. Витте. Поэтому банкиры, которые имѣли свои свѣдѣнія о положеніи дѣлъ, на ихъ книжки вниманія не обращали, а публика если и читала, то въ концѣ концовъ поступала не такъ, какъ она предполагала, а такъ, какъ ей совѣтовали дѣлать ея банкиры и газеты. Но если бы противъ русскихъ финансовъ выступилъ, напр., Ліонскій Кредитъ съ его освѣдомленностью въ русскихъ дѣлахъ и его связями

въ мірѣ биржи и прессы, то это доставило бы министру финансовъ много непріятныхъ минутъ. Кромѣ того, не надо забывать еще, что банки могутъ принять, опираясь на операцію репорта, и репрессивныя мѣры по отношенію къ русской валютѣ.

Съ другой стороны, однако, предоставленіе монополии кредита опредѣленной банковской группѣ предоставляетъ министру финансовъ и крупныя удобства въ двухъ, по крайней мѣрѣ, направленіяхъ. Во-первыхъ, никто не убиваетъ курицы, которая несетъ золотыя яйца, а потому, взявъ въ руки кредитъ данной страны, банкиры—по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока со страны есть что взять—не дадутъ ей дойти до банкротства, и поддержать своимъ кредитомъ даже въ самый тяжелый моментъ—на соотвѣтствующихъ условіяхъ, конечно, какъ это было сдѣлано и по отношенію къ намъ въ періодъ съ Октября 1905 г. по Апрель 1906 г. При такомъ условіи министръ финансовъ можетъ быть спокоенъ за то, что его друзья не дадутъ ему окончательно оскандалиться: правда, странѣ приходится довольно дорого платить за спокойствіе, добытое такимъ путемъ.

Второе крупное удобство для министра финансовъ, вступившаго въ такое соглашеніе съ банками, врядъ-ли сознается имъ въ тотъ моментъ, когда онъ въ соглашеніе вступаетъ,

но быстро даетъ себя чувствовать затѣмъ. Банки поддерживаютъ такого министра финансовъ всѣми своими колоссальными связями въ мѣрѣ финансовъ и въ дипломатическихъ сферахъ, расхваливаютъ его въ своей прессѣ, и иногда, если министру финансовъ всетаки приходится оставить свой постъ, а его замѣститель не желаетъ признавать данныхъ банкирамъ монополныхъ правъ, ставятъ этому замѣстителю палки въ колеса, и разъясняютъ *urbi et orbi*, какъ неудачно сдѣлана замѣна, и какъ благопріятно встрѣтила бы биржа и пресса возвратъ къ власти прежняго главы финансового вѣдомства.

Дѣйствительно-ли дѣло дошло уже до этой стадіи, авторъ всетаки не рѣшается утверждать, но что въ предшествующее войнѣ десятилѣтіе нашъ кредитъ изъ совершенно самостоятельнаго сталъ въ весьма значительной мѣрѣ зависимымъ отъ доброй воли группы иностранныхъ банкировъ—показываютъ несомнѣнные факты. Равно можно съ правомъ утверждать, что эта зависимость, ослабѣвшая нѣсколько въ послѣдующіе два года, значительно возросла въ полугодіе, послѣдовавшее за переходомъ власти къ октябрьскому кабинету министровъ.

Выводы изъ предыдущаго напрашиваются почти сами собою. Повторять ихъ мы не будемъ, потому что это значило бы повторять наше введеніе, но мы думаемъ, что для читателя наша основная идея ясна и безъ этого. Кредитъ не можетъ быть высокъ въ странѣ, гдѣ финансовое вѣдомство втеченіе десяти лучшихъ лѣтъ не сдѣлало его обречь отъ самыхъ элементарныхъ униженій; гдѣ Государственный Банкъ мѣнялъ характеръ своей дѣятельности едва-ли не каждый годъ, и въ концѣ концовъ раззорилъ промышленность и отдалъ отдѣльныя крупныя предпріятія въ руки совершенно неспособныхъ для веденія такихъ дѣлъ чиновниковъ; гдѣ денежное обращеніе построено и проведено такъ, что до крайности облегчена возможность игры на русскій рубль, а русскій рынокъ въ значительной мѣрѣ закрытъ для русскихъ же кредитныхъ билетовъ; гдѣ важнѣйшія отрасли промышленности отдавались въ руки кучки дѣльцовъ и комиссіонеровъ; гдѣ вредныя и признанныя таковыми предложенія заграничныхъ банкировъ проводятся въ жизнь единовластнымъ распоряженіемъ министра финансовъ; гдѣ есть основанія думать, что кредитъ страны отданъ въ монополію группѣ иностранныхъ банкировъ.

Авторъ глубоко уважаетъ С. Ю. Витте, какъ государственнаго человѣка вообще, и какъ важнѣйшаго дѣятеля въ великомъ актѣ

17-го Октября въ особенности; но онъ не можетъ скрыть отъ себя, что, какъ министръ финансовъ, С. Ю. Витте принесъ странѣ колоссальный вредъ своимъ неумѣніемъ справиться съ легшими на него тяжелыми задачами. И авторъ полагаетъ, что, поскольку паденіе русскаго кредита зависитъ отъ причинъ финансово-экономическаго характера вообще, эти причины слѣдуетъ искать прежде всего въ ошибкахъ управленія финансами въ послѣднее передъ войной десятилѣтіе.

Опечатки:

Стр.	Строка.	Напечатано.	Надо.
5	4 сверху	Горнопромышленную	Горнозаводскую
33	7 снизу	190	1904
"	2 снизу	нія	ніе
34	2 сверху	сдѣлано	Сдѣлано
"	12 сверху	время	время
"	3 снизу	теперь	теперь
37	3 сверху	торанящимъ	таранящимъ
47	11 снизу	Lombard	Lombard
61	6 сверху	1903	1905
"	10 сверху	распредѣленіе	о распредѣленіи
63	2 снизу	неправильныхъ	неправильныя
	1 снизу	объясненій	объясненія

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C045583668

